

БИБЛИОТЕКА
РОССИЙСКОЙ
ПОЭЗИИ

Владимир Сквор

ВЛАДИМИР СКИФ

*где русские
смыслили сошлись*

избранное

издательство
МАМАТОВ®
www.mamatov.ru

С.-Петербург 2016

УДК 882
ББК 884 (2Рос=Рус)6-5
С42

Авторы проекта «Библиотека российской поэзии»
Ильдар Маматов, Александр Кердан.

ISBN 978-5-91076-132-6

© В. Скиф, 2016

© ООО «Маматов», оформление, 2016

«ГДЕ ТЫ, РОДИНА ПОЗАБЫТАЯ?..»

Заочное моё знакомство с одним из лучших современных поэтов России — иркутянином Владимиром Скифом состоялось давно. Стихи Владимира Петровича, яркие гражданственные и проникновенные лирические, часто встречал во многих журналах и альманахах России. А вот личное знакомство с этим сибирским поэтом состоялось в Сибири, на замечательном литературном празднике «Сияние России». Праздник русской духовности и культуры по традиции ежегодно собирает писателей России вот уже не одно десятилетие. В 2013 году и мне довелось быть гостем «Сияния России». Вспоминается завершающая этот праздник поездка по знаменитой Кругобайкальской железной дороге.

«Какая песня без баяна? Какая Волга без Руси?» — поётся в песне. По аналогии можно сказать: «Какая Сибирь без Байкала?». Об этом славном море-озере, его тайнах, истории, поэзии немало говорили мы, пока ехали его берегом. География России была представлена писателями раздельно. Поэты земли Иркутской Василий Забелло и Михаил Трофимов, на ура читавший нам свои стихи, так похожие на народные. Народный писатель Республики Саха-Якутия Николай Лугинов. Приехавший из Москвы, где сейчас живёт, сибирско-иркутский поэт Василий Попов. Директор Иркутского Дома литераторов, прозаик Юрий Баранов... Сидевший рядом со мной Владимир Скиф достал из пакета книгу и подал мне со словами: «Накануне праздника был в типографии и попросил, чтобы мне специально к “Сиянию России” отпечатали несколько экземпляров. Вам дарю одному из первых, потому что знаю вас давно».

Книга ещё пахла типографской краской. На красивой обложке я прочёл: «Все боли века я в себе ношу...». Автограф был

тёплый, что не лишне в начале октября на Байкале: «Дорогому Эдуарду Константиновичу, с которым мы так чудесно встретились на нашем русском национальном празднике русской духовности и культуры “Сияние России”. Бесконечно рад этой встрече, знаю Вас, читал и очень ценю. На дружбу, на долгое наше стояние за Русское Слово. Автор В. Скиф. 5.10.13. Иркутск». Я крепко пожал руку Владимиру Петровичу, мы по-братски, по-сибирски, по-землячески обнялись. Другие писатели тоже радостно приветствовали рождение новой книги. Один экземпляр по давней общеписательской традиции окропили водкой, подняли тост и сердечно поздравили автора. За окном поезда светился осенней зыбкой лазурью Байкал...

«Высокий свет насыщенных небес, // Лазурью напитавшийся в Байкале, // Морозом опрокинулся на лес // И подсинил заснеженные дали. // Как звонко в небе и легко в лесу, // В прозрачных рощах всё переменялось. // Себя неслышно по тропе несущий, // Мне это утро будто бы приснилось. // Среди берёз такая благодать! // Прильну к берёзке и скажу: – Голубка! // Твоя душа моей душе под стать. // Всё в нас с тобой устроено так хрупко. // О, где ещё так плавно, так легко // Стремится время по сугробам ясным. // И дышится, как в храме, глубоко, // И видится грядущее – прекрасным».

Простые на вид и прозрачные, совсем как вода в Байкале, стихи... А ведь и впрямь, мы остаёмся русскими на наших огромных просторах только до тех пор, пока есть у нас образы и символы, которые всех нас роднят и заставляют ощущать родство. Эти символы настолько значимы, что помогают нам преодолевать движением душ те огромные расстояния, которыми славится Россия. Матушка-Волга, батюшка-Дон, былинный Китеж, могучий Урал, седой Каспий... Байкал – символ совершенно особый. В нём все эти символы как бы собраны воедино. Батюшкой назвать

Байкал логично. Могуч ли Байкал? Конечно! Седой и древний? Несомненно! Былинный? Ещё какой былинный!.. Не оттого ли родным Байкал считает даже тот, кто ни разу на Байкале не бывал? Выпьет русский мужик в праздник чарочку и поёт то про «славное море, священный Байкал», то про «дикие степи Забайкалья, где золото роют в горах...». Не потому ли стихи из совсем новой книги поэта Владимира Скифа, пронизанные байкальскими ветрами, вдруг показались мне до боли знакомыми?.. Издревле Байкал ассоциируется у русского человека с той исконной русской волей, что дана каждому из нас по праву рождения, а не какими-то мифическими «правами человека» и «общечеловеческими ценностями». Владимир Скиф при всех прочих своих творческих достоинствах, о которых немало сказано известными критиками и его «коллегами по поэтическому цеху», для меня предстал в первую очередь — певцом Байкала, на берегу которого и состоялось наше настоящее творческое знакомство. Байкал неслучайно «приравнен» поэтом к храму. Он и есть храм нерукотворный, самим Богом для нас сотворённый.

А сибиряки, сколько их «немного» знаю, родившись и выросши в Сибири, это русские люди «в квадрате». Владимир Скиф из таких. С одной стороны — улыбчивый балагур. С другой стороны — откроешь да считаешь его стихи, и понимаешь, какая глубинная трагическая печаль сокрыта под этой внешней ясностью. Писатели художественно обосновывают сибирский характер тем, что, дескать, климат в Сибири такой, что не забалуешь. Морозы вымораживают из человеческой души всякую гниль и червоточину. Эта суровость множится на огромные расстояния, когда пятьсот вёрст — не расстояние, а триста вёрст — не крюк. Из них, байкальской «глуби» и сибирской широты, как из истинно русской системы координат, проистекают практически все стихи Владимира Скифа.

Родные до боли сердечной, милые сердцу приметы народного русского сибирского быта самоцветно рассыпаны по этим стихам.

«Милая малая родина. // В сенях – уютный закут. // Зорь раскалённые противни // Солнечных зайцев пекут. // Поле овсяное тихое // Прячет улыбку в усы. // Каплет роса или тикают // В маминной спальне часы. // С облака падают голуби, // Рдяное утро свежо. // Ткань поднебесного полога // Первым кроится стрижом. // Дверь наша в сенях захлыбала, // В подпол ушла тишина. // Встала деревня, одыбала // От упоённого сна. // Переливаются голуби // Радужным, ярким пером. // Будто бы звёзды расколоты – // Светят дрова серебром. // День – обновленьем и гомоном // Утренний двор приобнял, // И золочёную голову // В небо подсолнух поднял. // Пряная наша смородина // Перешагнула забор... // Милая малая родина – // Божьего промысла двор...».

Старинные ладные русские слова, что «на материке» средне-русском порой уже иными нашими современниками не только не употребляются, а и не понимаются. А в стихах Скифа они современны – иначе не скажешь! Молодое наше поколение, за редким исключением, этими «родовитыми» словами «брезгует», не понимая того, что именно они и дают русской речи красоту и объём. Пусть молодые поэты почитают Скифа, он им откроет красоту этих слов! Ведь в его творчестве эти слова не просто живы, они актуальны, красивы, органичны, понятны. «Захлыбала», «одыбала» – вкусные слова. Их хочется произносить, смаковать. Через них ощущать себя частью огромной страны, где не только высокие купола светятся золотом, но даже обычные сибирские дрова отливают серебром! Вот так являет читателю поэт небесное в земном, большое в малом! Его «малая родина» – не меньше, чем – вся Россия. Она – Божий двор!

Как уже говорилось, «малая родина» в отношении сибирских бескрайних просторов – понятие относительное. Не потому ли сибиряки, как никто, не отделяют малую родину от большой? Эта сибирская широта природы часто спасает Родину большую, материковую. Те сибирские дивизии, что спешили за тысячи вёрст на подмогу осаждённой Москве, поди, и не думали о своей сибирской хате – не просто с краю, а за тысячи-тысячи километров от осаждённой Первопрестольной. Пришли, увидели, победили! Разметали гитлеровскую орду, откинув от Москвы! А ведь, поди, многие тогдашние солдаты-сибиряки, собой закрывшие Москву, впервые-то в жизни и, возможно, в последний раз в жизни и увидели-то воочию столицу своей Родины, которую пришли защищать ценой собственной жизни.

«Ой, ты, Родина златоглавая, // Ты лесами, цветами расцвечена! // Судьбоносная, величаява, // Неподкупная, вековечная. // В золотых веках предком свитая, // Ввысь до Господа вознесённая, // Где ты, Родина позабытая, // Злыми ветрами унесённая? // Как пробитая астероидом, // Ты свистишь насквозь свистом горестным. // И едят тебя смертным поедом, // А защитников – ровно горсточка. // И высокая, и широкая, // Ты была на миру заглавная. // А теперь стоишь одинокая, // Но, как прежде, ты – православная. // И, как прежде, ты – моя Родина, // Ты – любовь моя сокровенная. // Мною не предана и не продана, // Русской памяти сердцем верная. // Предку-воину благодарная, // Горемычная и несытая, // Небом чтимая, богоданная, // И поэтому – неубитая».

Чем должно быть дорого и близко творчество Владимира Скифа современному читателю? А тем, что живёт в его стихах – пульсирует, страдает, любит и ненавидит – наряду с Родиной «непозабытой», но уже прошлой, Россия не просто настоящая, но и устремлённая в будущее. Эта устремлённость вкупе с верой

в Божий промысел не позволяет поэту впасть в уныние. Не позволяет ему ввергать в грех уныния и читателя. Россия Владимира Скифа «Богом чтимая»! Не закрывая глаза на неизбежные земные «язвы», Владимир Скиф ни минуты не позволяет ни себе, ни читателю усомниться в том, что Россия не одинока, потому что она — с Богом!

«Словно печка — заря затопилась, // Заалела, как дверца в ночи. // Мне сегодня под утро приснилось: // Выпекает заря куличи! // Это правда, а может быть, сказка, // Но я вижу на стыке веков: // Луч рассвета — янтарная скалка // Раскатала блины облаков. // Это тихая явь или небывь? // Я услышал: запела пчела, // И поджаристо хрустнуло небо, // И весёлая Пасха пришла».

Редкое по образности стихотворение. В нём мироздание уподоблено и приравнено к ладу русского исконного быта, в котором «сотворение хлеба» сродни священнодействию. Этот образ предстаёт и художественно-зрительно — через полыхающую зарю. И в пространстве истории — «на стыке веков». И в движении раскатываемых блинов. И в звуковом постижении этого русского земного и небесного мироздания — в звуке «поджаристого» кулича, пении пчелы...

...Так получилось, уезжал я из Иркутска по окончании праздника «Сияние России» едва ли не последним. Москвичи улетели накануне, а я, спасибо расписанию железной дороги, подзадержался. Ещё денёк вдыхал ветра Байкала и наслаждался сибирским радушным гостеприимством. Провожать меня на вокзал приехали Владимир Скиф с замечательным фотохудожником Сергеем Переносенко... А потом в поезде я имел возможность не только спокойно прочесть новую книгу Скифа, но и поразмышлять о ней, любясь сибирскими широтами из окна поезда. Эти мои размышления не претендуют на то, чтобы быть рецензией. Было бы дерзостью пытаться рецензировать стихи известного поэта после

того, как их рецензировали выдающиеся современные критики. А вот своими впечатлениями о творчестве этого поэта поделиться считаю себя вправе. Как эссеист, как читатель, как современник! И как сибиряк, наконец! Потому что от этих стихов веет родным для меня ветром неоглядной материковой Сибири!

«Чтобы ты никому не досталась // Даже в малых пределах мечты, // Я сверну, словно шаль, твою шалость, // Разведу с твоим прошлым мосты. // Ни за кем в этом веке жестоком // Не должна ты по свету идти. // Притеку к тебе шумным потоком, // Чтобы встать у тебя на пути. // Не хочу, чтобы ты ликовала // Подле чьих-то залётных кудрей. // А хочу, чтоб меня целовала // В звёздных дюнах и в складках морей. // Я хочу, чтобы ты не пугалась // Бездны слов и мерцанья миров, // Чтоб лететь со мной рядом старалась, // Будто ласковый снег на Покров...».

Понятное дело, что вышепроцитированные строчки посвящены поэтом любимой женщине. Но ведь их с полным основанием можно отнести и к Сибири, наверное, самой главной «женщине» поэта Владимира Скифа! В его стихах, столь современно, а порой и злободневно звучащих, подспудно звучат параллели с неизбывной русской классикой. Чтение стихов Скифа даёт пронизательному читателю возможность взглянуть по-новому на классику. «Не доставайся ты никому!» – в запальчивости крикнул бесприданнице влюблённый герой русского великого драматурга. И ведь не досталась: это были последние слова, которые женщина-бесприданница услышала. В стихотворении Владимира Скифа это «чтобы ты никому не досталась» – не рефлексивный вскрик ревнивого самолюбца, но твёрдое мужское спокойное осознание полной ответственности за судьбу любимой женщины, родины, земли. Да и «лирическая героиня» этого стихотворения Скифа, будь она Сибирь или просто женщина, – ой какая не бесприданница! И дело даже не в безграничных «недрах»

земли, а скорее — недрах души. В тех душевных качествах — как женщины, так и родины, — которые подвигают лирического героя Владимира Скифа быть ответственным, быть мужчиной, ибо на таких «женщин» охотников за «приданым» много. Как вокруг, так и за океаном, где постоянно алчно смотрят в нашу сторону! Но пока рядом с женщиной, родиной такие мужчины-поэты, как Скиф, она не достанется на дешёвую потребу чужакам.

«Как хочу мой великий народ сохранить я!.. // Он не турок, не швед. Он по сути другой. // Мы пронизаны русской незримою нитью — // И народный герой, и упрямый изгой... // Связан каждый друг с другом священной нитью, // И поэтому каждый в России — связаной. // Непонятен душою, живёт по наитью, // Русь святейшую помнит своей глубиной. // Там славянские боги над родиной светят, // Там и скифы-сарматы, и русы-князья // Тянут ниточку эту сквозь крепи столетий, // Где в цепи достославный народ мой и я. // Нить единой судьбы и единого гнева // Серебрится в душе старика и юнца. // Там одно для любви и для радости небо, // Там у русской тропы не бывает конца. // Русский щит на краю Куликова — засветит, // Чтобы Русь защитить и векам сохранить, // И протянется нить к Бородинской победе, // И до Прохоровки вдруг дотянется нить... // Заклубятся века, задымятся столицы, // Будет враг побеждённый в полях наших стыть! // Пусть глядит в небеса, где пылают зарницы, // Там — на небе — свивается русская нить!..».

Нить, воспетая поэтом, гибка. Но она же и крепка, иначе бы не соединяла воедино эпохи и столетия России. А из Сибири, как известно, намного виднее порой Россию, чем из самой России! Эта нить, несомненно, и «красная нить», чего прямо не сказано поэтом, но принимая во внимание, что Скиф — певец империи, и советской в том числе, это несомненно. Но эта же нить — полноцветная, соборная, соединяющая и сшивающая воедино времена

и пространства, народы и веры... Эта гибкая нить не менее крепка в образной системе Владимира Скифа, чем восхитивший меня в другом стихотворении нестигаемый гвоздь. И бытийная нить, и становой имперский гвоздь, одна гибкостью, другой нестигаемостью, равно держат Россию, взаимодополняя друг друга. Потому что и гибкость, и нестигаемость — две стороны противоречивой русской природы. С одной стороны — восприимчивой на всё новое. С другой стороны — природы твёрдой, когда дело идёт о сохранении исконной традиции.

«Жил гвоздь большой в двадцатом веке // Среди обыденных гвоздей. // Он мог в сани, и в телеги // Запрячь людей и лошадей. // Он жил, хандры не признавая, // Гвоздь нестигаемый, прямой. // Шёл, к небу грозы прибывая, // На «ты» с Фемидою самой. // Катил истории повозку, // Железный оставляя след. // И вбить его по шляпку в доску // Не мог ни воин, ни поэт. // Я этот гвоздь в России вижу, // Он здесь хозяин, а не гость... // И я подумал, чтобы выжить — // России нужен этот гвоздь!..».

Вспоминается крылатое выражение другого известного поэта: «Гвозди бы делать из этих людей, не было б в мире прочнее гвоздей». Но гвоздь Владимира Скифа не железный, а живой, в моменты испытаний становящийся крепче железа. Тем и ценен. Тем и дорог. Тем и нестигаем перед обстоятельствами.

Эдуард АНАШКИН,
прозаик, эссеист, член Союза писателей России,
Самарская область

«ПОД СЫРОЙ ОСЕННЕЙ ПОЗОЛОТОЙ...» (Из очерка «Моя Сибирь, моя Россия»)

Владимир Скиф, сибиряк, иркутянин, отец троих детей и автор двух десятков книг, лауреат премий имени Ершова, Эдуарда Володина, Николая Клюева и др. — в общем, человек известный. Владимир Бондаренко почему-то предположил, что Скиф — истинный поэт эпохи Водолея. «И не только потому, — пишет Бондаренко, — что родился 17 февраля 1945 года, под знаком Водолея; всем творчеством своим он как бы предвещает наступающую эпоху Водолея, эпоху России»¹. Не могу с этим согласиться, ведь эпоха Водолея — это концепция (согласно определению Википедии), лежащая в основе представлений культуры Нью-Эйдж о том, что на смену эре Рыб (ассоциируемой с христианством) приходит новая эпоха, в которой будут господствовать учения, представляющие синтез различных вероучений и современных научных достижений. Т. е., по сути, это антихристианство — то, что разрушает Россию, весь мир. Я бы не стал отлучать поэта Скифа от великой русской христианской культуры, записывая его в приверженцы религии «нового века». Нет, он вырос на русской почве, крона его таланта шумит в нашем, русском лесу. Таким я его и увидел — стройным, с выбеленными сибирскими морозами волосами, седобородым, но молодежавым поэтом с искренней, звонкой, но глубокой, как Байкал, поэзией.

«Смирнов, который изменил фамилию» — так иронично объясняет Скиф происхождение своего псевдонима. Скиф улыбается, я улыбаюсь в ответ, его слова тоже отзываются во мне шуткой, но какой-то грустной: «Главное, Родине не изменил. Главное —

¹ См. статью «Поэт эпохи Водолея» Владимира Бондаренко. http://symill.ucoz.ru/news/stikhi_vladimira_skifa/2010-03-04-30

Родине верен остался». И останется! Последнее – совсем уже без иронии.

*У меня коровы нету.
Но как только альпий круг
Заскользит по белу свету,
Я иду на мокрый луг.
Острой бритвою-косою
Я размашисто кошу.
Даже в полдень под грозою
Травы-павы тормошу².*

Нет, не он изменил свою фамилию. Это Блок его благословил из далёкого далека, это сама Поэзия поставила его в первые ряды тех «с раскосыми и жадными очами», которых «тьмы, и тьмы, и тьмы». Кому-то ведь надо возвещать миру, что «так любить, как любит наша кровь, / Никто из вас давно не любит! / Забыли вы, что в мире есть любовь, / Которая и жжёт, и губит!»³. И не Блок напорочил, что «Россия – Сфинкс», вечная древняя загадка. Так судил нам Бог:

*Архангелом набросана вчерне
Судьба России, длящейся веками.
Она – то в небе, то на самом дне,
То скипетром сверкает, то курками⁴.*

Так судил Бог: коль хотите нести правду, быть совестью народов, помните: в мире будете иметь скорбь (Ин. 16, 33). Из столетия в столетие мы протягивали руки и зывали:

² Владимир Скиф, см. на сайте: <http://www.rospisatel.ru/skif-stihi.htm>

³ Скифы // Александр Блок. Избранное. М.: Детская литература, 1969.

⁴ Владимир Скиф, см. на сайте: <http://www.rospisatel.ru/skif-stihi.htm>

*Придите к нам! От ужасов войны
Придите в мирные объятия!*⁵

А они в ответ:

*...глумясь, считали только срок,
Когда наставить пушек жерла!*⁶

И приходил роковой срок (и приходят новые сроки), и пушки стреляли (и опять будут стрелять), стонала земля, плавилась, рассыпались в прах горы, но стоял человек, русский человек. «Мильоны» их? А нас?

*...Нас — тьмы, и тьмы, и тьмы.
Попробуйте, сразитесь с нами!
Да, скифы — мы! Да, азиаты — мы,
С раскосыми и жадными очами!*⁷

В глазах Владимира Скифа плещется Байкал, и в поэзии его, морозной, свежей и по-сибирски крепкой, играет волнами «Славное море — священный Байкал»:

*И мой Байкал. И этот чистый свет,
Мои глаза и душу напоивший.
Я не загинул. Я ещё поэт,
Не зря, быть может, на земле светивший*⁸.

⁵ Скифы // Александр Блок. Избранное. М.: Детская литература, 1969.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Владимир Скиф, см. на сайте: http://symill.ucoz.ru/news/stikhi_vladimira_skifa/2010-03-04-30

И ещё:

*Под сырой осенней позолотой
Оживаю от душевных ран...
Из меня уходит сумрак плотный,
Как с Байкала-озера туман.*⁹

Воистину, выплеснувшееся на землю и ставшее Байкалом небо, сибирская ширь заживляют все раны души и изгоняют из неё сумрак. Что перед этой красотой, необъятностью вся наша боль, все наши слёзы, невзгоды, разлуки? Лишь штрихи лёгкого дождя, лишь ветерок, опавший на лицо... Не потому ли так свежо лицо Владимира Скифа, так неуловимо-легка его улыбка? И так точно, так проникновенно его слово?

*Посреди дороги древней
В тишине почую Русь.
И душой к родной деревне,
Как к иконе, прислонюсь.*¹⁰

Пусть болью проникнута его мысль о родной земле. Но и надежда живёт в его слове, и благодарность Богу за всё. А в этом и есть полнота, в этом и есть сила:

*И увижу: в тёмном небе
Так и кружит вороньё.
То кровавый снег, то пепел
Век мой сыпал на неё.
У деревни сто отметин,*

⁹ Там же.

¹⁰ Владимир Скиф, см. на сайте: <http://www.rospisatel.ru/skif-stihi.htm>

*Сто зарубок, сто могил:
Кто любил её на свете,
Кто мечами порубил.
Слава Богу, что живая,
Что не мёртвая она.
В небе рана заживает,
Красным польмем полна.¹¹*

Наша сила в вере, в любви к родной истории, в преданности нашей великой стране. Да, мы Скифы, но Скифы великие, вечные, непобедимые...

Игорь ИЗБОРЦЕВ,
г. Псков

¹¹ Владимир Скиф, см. на сайте: <http://www.rospisatel.ru/skif-stihi.htm>

«ВСЕ БОЛИ ВЕКА Я В СЕБЕ НОШУ»

Мне приятно сказать своё слово о творчестве Владимира Петровича Скифа — талантливейшего русского поэта, по моему глубокому убеждению, входящего в десятку лучших поэтов всей России. Его стихи — по-сибирски сдержанные и глубокие, чужды надрывного пафоса, который у нас сегодня, увы, среди мужчин-поэтов, числящих себя патриотами, часто переходит в пораженческие рыдания по поводу кончины России. Увы, оснований для квасного патриотизма нет, мы живём в суровое время, предъявляющее России суровые геополитические и социальные вызовы. Тем мужественнее должен быть русский поэт. «То не поэзия, что не делает меня чище и мужественнее», — сказал кто-то из мировых философов.

И эти слова в полной степени можно отнести к творчеству Владимира Скифа. Его вырывающееся из глубин души самоцветное слово трогает сердца читателей, даже самых взыскательных и искушённых. После прочтения стихов Скифа хочется жить, любить, творить на благо страны, хочется страдать и бороться. А иначе для чего нужны стихи? Я не буду тут писать о системе образности Владимира Скифа, про то сказали и, я уверена, ещё не раз скажут профессиональные критики (в частности, блистательный и снайперски точный в оценках Вячеслав Лютый).

Мне, как поэту, а не критику, важнее другое — талант Скифа, поставленный на службу России, лучшему в ней. Способность Скифа-поэта любить Россию не с завязанными глазами, не через розовые очки, а любить в свете пушкинских заветов — принимая такой, какой её нам Бог дал, с непростой русской историей, трагичными изломами и величайшими прорывами, её, летящую в бездну и вдруг воспаряющую победно в зенит на глазах изумлённого мира, приготовившегося к её кончине, — парадок-

сальную нашу Россию, способную рождать таких поэтов, как Владимир Скиф.

Книги Владимира Скифа ясно показывают, что их автор сейчас на взлёте и ещё не раз порадует всех нас, своих коллег и — главное! — читателей, духовными прорывами и душевной глубиной.

Диана КАН,
член Союза писателей России,
лауреат Всероссийской литературной
премии «Традиция»,
лауреат Всероссийской премии
«Имперская культура»,
г. Новокуйбышевск

ВЗГЛЯД ИЗ ВЕЧНОСТИ

Трудно, чрезвычайно трудно писать рецензию после всеохватного биографического очерка Владимира Бондаренко, открывающего поэтическую книгу Владимира Скифа «Русский крест», но всё же попробую. Любому думающему читателю бросится в глаза символическое сочетание **Имени** и **Заглавия**. Действительно, вся поэтическая реальность Владимира Скифа держится на символах. Символ Креста, символ России, Народа, Любви, Поэта... Владимир Скиф – опытный публицист в стихах, ему присущ **богатый метафорический строй**. Метафора гармонией своей охватывает разрушенную реальность (та самая «трещина мира», которая пролегла через сердце поэта). И хотя в метафорическом строе стихов Скифа чувствуется влияние поэзии **Юрия Кузнецова**, это не подражание, а общность, обусловленная единым миропониманием: **болью за Россию**.

Собственно, и смелое включение в традицию классики, и портреты поэтов, писателей связаны именно с этим. Скиф в стихах – поэт поступка, его слово действительно, как дело. Потому Слово в его стихах пишется с большой буквы.

*И раным-рано я встаю,
Над светом, над землёй стою.
Душой высвечиваю Слово,
Оно — души моей основа.*

И всё-таки в поэзии Скифа словно два начала. Одно стремится к простому, повествовательному изложению, другое осмысляет окружающий мир при помощи метафор. Пример тому – стихотворение «Летняя кухня». Само изображение летней кухни, прошлого – гармонично и просто. Переход же из настоящего в прошлое и из былого в настоящее переполнен метафорами.

*Сдвигается даль за окошком.
Как тень, преломляется день,
Сжимается время гармошкой:
И снова я вижу плетень...*

.....
*В грядущее мне улетать.
Туда, где деревни потухли,
В столицах — народ жестяной.
Где русскую летнюю кухню
Навек разлучили со мной.
Туда, где ползучее пекло
Спалило родные края.
Где смотрит Россия из пепла,
Из шатких основ бытия.*

Очень часто всё стихотворение построено на символе, переосмыслении фразеологизма. «Пожары»:

*Пластают шапки. Шапок горы.
Поэт стоит и говорит:
— Неужто все в России воры,
Ведь шапка каждая горит?!*

Музыкой боли объята стихотворение философское, за которым стоит не изображение, а множество способов читательского осмысления:

*Время — тёплое, холодное.
Время семени и злака.
Распускается мелодия,
Будто бы головка мака.
Почва мира каменистая,
Божьим промыслом объята.
И горит звезда кремнистая,
И болит всё то, что свято.*

Скиф — хороший, умный лирик. При этом философская его поэзия чиста и прозрачна, написана ясно («всё на русском языке»).

*Жизнь — она не позолота,
Но в одном уверен я:
Мне и петь, и жить охота —
Мне по росту жизнь моя.
Жизнь — она не повторится,
Потому охота мне
Жить и сердцем серебриться,
Будто верба при луне.*

.....
*Будет счастье и везенье,
Возле жизни — свет сквозной,
И Святое Воскресенье
После Пятницы Страстной.*

Одно из лучших стихотворений «Россия. Тоска. Бездорожье...» скорее лирическое, чем ораторско-пафосное. В нём сказывается традиция русского романа, приглушённое его страдание.

*...И нет ни крыльца, ни причала
Душе с вековечной виной,
Как нету конца и начала
У русской дороги степной.*

Вообще во всех стихах есть ощущение движения жизни, лёгкости написанного (в хорошем смысле этого слова).

*Когда б я не чувствовал жизни движенья,
Когда б не селлась звезда на воде,
То я не искал бы её отраженья
И сердце своё не отдал бы звезде.*

Такое ощущение, что человек всю жизнь свою фиксирует в стихах, и это не редкие всплески вдохновения, а умение поэтически объять всё: и родину, и природу, и любовь.

*Душа томится в нетях,
Чем дальше, тем больней.
Душа почти не светит,
Когда не светят ей.
Уходит день-печальник,
И наступает ночь.
Себе, поэт-молчальник,
Не в силах ты помочь.
Не заручиться былью,
Не клясться на крови.
Душа полощет крылья
В пустотах нелюбви.*

Именно в любовной лирике Владимира Скифа сказывается приверженность традиции — традиции золотого века. Пушкин, Тютчев. На переосмыслении их строк, даже хрестоматийно известных, основаны многие стихотворения из цикла «На краю любви». Они ясны и сюжетны. И всё же любимый жанр поэта — притча, аллегория.

*Пора бы должное воздать
Их трудолюбию, терпенью
И научиться их уменью
Не разрушать, а созидать.
Потомство бережно хранить,
Любви учиться у природы..
Увы! Сумеют ли народы
Себя в себе соединить?*

(«Муравьи»)

Насекомые становятся ни больше ни меньше как символами поэзии:

*Влекомый музыкой кузнечик,
Ты — жизни трепетный манок,
Земного мира малый глечик,
Искусства хрупкий позвонок.*

Но особую любовь поэт испытывает к муравью. «Ты строитель добра, ты поэт и мудрец». Другие насекомые — тоже символы стихий (тля), зла (скорпион) и добра, трудолюбия, небесных сил (пчела, божья коровка). Думаю, что образу цикады, «воюющей, как автомобиль», мог бы Набоков позавидовать. Так же, как и пристальному и подробно зрению автора этой книги. Впрочем, В. Скиф и сам это понимает, посвятив Набокову одно из стихотворений.

Такое видение — от космоса и великих просторов родины до микрокосма малых созданий — и есть поэтический мир Владимира Скифа, который предусмотрительно расположил разделы книги с перспективой: от великого к малому. В конце концов великое с малым смыкаются:

*Древнее в мире нету свитка,
Чем звёздный свиток в небесах.
Ползёт в Галактике улитка
И держит время на усах.
Медлительность — всего лишь пытка
И для глубин, и для высот.
В Галактике по ткани свитка
Улитка времени ползёт.*

Поэтический взгляд Владимира Скифа — это не злободневный взгляд на наболевшие проблемы современности, но скорее взгляд с точки зрения вечности. Наверное, таким и должен быть взгляд поэта.

Ирина КРАЙНОВА,
г. Саратов

ЗОЛОТАЯ ПОРА

Поэту Владимиру Скифу исполнилось 70 лет. Не верится! Читаешь его стихи и радуешься свежести чувств, простодушной молодой впечатлительности, лёгкому, быстрому отклику на множество судьбоносных событий, то и дело происходящих в нашем мире, событий, изменяющих жизнь человечества столь быстро, что многие из нас не успевают понять: куда и зачем движется земная история. А Скиф успевает...

С той поры, как он, будучи шестнадцатилетним юношей, впервые опубликовал в 1961 году стихотворение, посвящённое полёту Гагарина, много воды утекло. Издано 25 книг стихотворений, получено много больших и малых премий (последняя — премия «Нашего современника» за стихи, напечатанные в 2014 году), вложено столько сил в жизнь Иркутской писательской организации, одной из крупнейших в России...

Ведь недаром же иркутские писатели недавно снова избрали его своим председателем.

Но для меня Владимир Скиф — прежде всего поэт. В предисловии к его сборнику «Золотая пора листопада» несколько лет тому назад я написал такие слова:

«Владимир Скиф — поэт, быстро вдохновляющийся, легко и обильно пишущий, стремящийся запечатлеть священный для него облик Родины — России:

*Дымится времени река,
Невзгоды, словно льдины, тают.
Идёт Россия сквозь века,
А может, в вечности плутает.*

Облик Родины для поэта складывается из многих светлых и священных понятий, которые, словно клейма, обрамляют цен-

тральное изображение иконы — это или озеро Байкал, или поэт Николай Рубцов, или град Иерусалим, или композитор Свиридов...

А ещё Александр Блок, Сергей Есенин, Василий Шукшин и многие другие образы небесной России. Но, побывав на неземных высотах, как и подобает православному человеку, облегчив созерцанием и молитвой душу, вчерашний язычник Владимир Скиф с тем большей страстью возвращается на землю, полную трав и ручьёв, цветов и пчёл...

«Ангел простых человеческих дел» — по словам Николая Клюева — охотно сопровождает его в самых немудрёных житейских работах: помогает колоть дрова, топить печь, собирать рыжики, солить капусту.

*Топор, колун — всё в действии сегодня.
Какая радость в мышцах и в душе!
А в чистом небе — Николай Угодник
С живой водой в невидимом ковше.*

Он же — этот Ангел — научает писать стихи и «вновь за руки вести сквозь дни или века» своих детей, словом, жить на родной сибирской земле жизнью всех предыдущих поколений, освоивших прибайкальские просторы.

Владимир Скиф — поэт земной и грешный, многоглагольный и многострадальный, искренний и велеречивый, и, прочитав его книгу жизни от начала до последней строки, я подумал, что, выбирая свою подлинную тропу, спотыкаясь и останавливаясь, он идёт к истине:

*Истина — искра от Бога —
Вспыхнет и высветит высь.
Надо мне в жизни немного:
С Истиной не разойтись.*

*Выбрать такую дорогу,
Где между пней и камней
Тропку, как ниточку к Богу,
Высветит Истина в ней.*

*Чтобы я духом и телом
Все испытанья избыл,
Чтобы и словом, и делом
Свет искупленья добыл.*

*Надо мне в жизни немного:
Чтоб не махали ножом,
Чтоб у родного порога
Встретила мама с ковшом*

*И улыбалась не строго...
Чтоб в золочёном венце
Истина — искра от Бога —
Мне посветила в конце.*

«Золотая пора листопада»... Пусть эта его пора длится как
можно дольше...»

Станислав КУНЯЕВ

ПРЕКРАСНЫЙ УДЕЛ ПОЭТА

Крым. Краем света считали его древние греки, «медалью на планете» назвал чилийский политик и поэт Пабло Неруда. Замечательное географическое расположение полуострова сделало его границей и местом соединения между Европой и Азией. После возвращения Крыма в родной дом, в Россию, он стал действующей ареной встреч. Летом 2015 года проведено множество поэтических фестивалей, конкурсов, презентаций. Это было сближение общений уже существующих ЛИТО и рождение новых. Большой континент России провёл немало творческих форумов в Крыму, а Первый Международный литературно-музыкальный фестиваль «Интеллигентный сезон» составом выступивших поэтов, писателей, композиторов, исполнителей с первой попытки доказал полноправность эпитета «международный» в названии его. Это высокая планка творчества. Поэты крымских городов слышали лучшее из поэзии москвичей, казанцев, тверичан, сыктывкарцев, тамбовцев. А орган литературного издания «Литературный Крым» № 8 2015 года дал возможность и читателям познакомиться с произведениями победителей. Дополню к сказанному, что на страницах газеты читатели имеют возможность знакомиться с произведениями не только крымских авторов, но и талантливых писателей и поэтов России.

Россиянам давно известны стихи и публицистические работы Владимира Скифа, поэта и литературоведа из Иркутска. А теперь знают его и крымчане. Напевность поэтических строк полюбилась многим композиторам. Владимир Зоткин, Виктор Грозин, Сергей Маркидонов, Анатолий Тепляков, Евгений Якушенко, Анатолий Криштопа дарят музыкальные крылья стихам Скифа, а барды: Владимир Браништы, Николай Зарубин, Евгений Куменко — и музыку сочиняют, и песни на стихи Владимира исполняют.

Волнует и чарует поэтика строк Скифа. Он глубиной сердца, ранимой душой говорит о России, а создаётся впечатление, что это Россия горестно и мудро размышляет из самой патриархальной глубинки, «то молчит, то кричит». Литые, тяжёлые строки, взятые из «смёрзшейся от горя памяти», врезаются в душу. «Пулемёт памяти строчит», высвечивая, словно кадры, «разбомблённые храмы», «разбитую колокольню», и Россия предстаёт «в терновом венце» (стихотворение «Ноябрь перекрасил синеву»). Автор продолжает задавать жёсткие вопросы о судьбе. Поэтические тропы ярко создают впечатляющие, даже «эксклюзивные» образы: «холодный лунный лоск», «стеклянной луны», «луны-переноски», «кувалда заморского ветра». Волнующе зримо он изобразил время, которое «бьётся пульсом на каждом челе»:

*Спит земля, тихо время струится,
Бьётся пульсом на каждом челе.*

(«Земля»)

Произведения рассказывают о состоянии человека во Вселенной и о самой Вселенной: «Живому сердцу одиноко», «Душа Вселенной холодеет». Вот уж, действительно, «выдохнул миру интерес», «притронулся плавной рукой», а «вложил... сердечный непокой». Создаются смысловые поля: торжественная красота мира и человеческий интерес. Природа не отделена, не оторвана от Лирического героя, его волнений и ощущений. С каждой строкой ярче смысловая окраска, поэтический рост слова усиливается:

*Вживи себя в сей Божеский замес,
Чтоб радуга вставала до небес,
Чтоб равновесье ветер потерял,
Чтоб ты себя в себе не повторял,
А взял свою судьбу наперевес
И клином света обтесал замес.*

Далее тематическое расширение продолжается и вырастает до философского вывода. Но это после работы над собой, после борьбы с сомнением, «тьмою в углах души», когда ты

*...вышиб темень из углов души,
Плеснул, как пламя, радости ковши,
Тогда и выйдет Храмом на крови
Произведенье веры и любви.*

(«Замес»)

Стихи «пашут» мозги. Вникая в их содержание (а иначе и не получится), хочется и дыхание, и «взвихренную кровь», и «смертную любовь» отдать «безумству храбрых», чтобы «вышибить темень из углов», плеснуть, «как пламя, радости ковша», «идти за Родину в атаку». В стихотворении «Бабушка» встаёт некрасовский образ «женщины в русских селеньях». Только время угадывается другое. Читаешь строку «снегов бескрайние закрома», и предстаёт перед тобой далёкая сельская периферия. А образ бабушки не может быть оторван от привычного деревенского уклада жизни. Для бабушки привычно:

*Скосить траву, сметать зарод,
Не убиваться в недород.*

А строка «от нужды детей спасти» снова напоминает некрасовскую мысль: «На праздник есть лишний кусок». Владимир Скиф подчёркивает великую роль русской женщины, которая в жестокое время войны и разрухи выносила совсем не женские тяготы. К концу стихотворения автор делает образ обобщающим. Всё может бабушка:

*Достать звезду, построить дом,
Россию выласкать трудом.
От Витебска до Кольмы
Все дети бабушкины — мы.*

Общей была беда, не только родственники забирали в свои семьи детей погибших на фронте, это я могу подтвердить своей жизнью. В стихотворении «Сталинград» поэт, говоря «об аде земном», иносказательно назвал войну священной:

*И Ангелы в окопах Сталинграда
Вставали в ряд с солдатами войны.*

Для всех живых и погибших «лучшей из всех наград», «как орден величавый»

*Вставал непокорённый Сталинград,
В лучах своей непобедимой славы.*

Журнал «Доля» познакомил крымских читателей с творчеством Владимира Скифа ещё в 2013 году, поместив на страницах стихи сорокалетней давности. Но как мудро показал поэт, что время только укрепило его убеждения:

*Чем старше я, тем строже выбор
Красавиц, здравниц, новизны.
И, как ни странно, я не выбыл
Из песен, музыки, весны..
Чем старше я, тем достоверней
Мысль, что спасёмся красотой.
И мне всё ближе Достоевский,
Чем Короленко и Толстой.
Чем старше я, тем гуще время
Замешивает жизнь мою.
И всё отчётливее кремний
Скрипит у бездны на краю.*

Разнотемна поэзия Скифа. В его стихи «вошёл простреленный каплей снег», «душою космос овладел». В других строках он ругает «власти, словно твари неразумные, // За собой влекущие войну». В стихотворении «Валентину Распутину» поэт даёт высокую оценку писателю за его постоянную заботу о чистоте природы:

*Россия будет спасена!
И в этом есть твоя заслуга.
Борьбы невиданной накал
Очистит Родину от смога.
Задышат Волга и Байкал!
И в этом есть твоя подмога.*

Тема поэта и поэзии — трепетная тема для автора. Прекрасно высказал своё мнение Владимир Скиф вот такими строками:

*Поэтов мало, стихотворцев рать,
И это очень грустная примета.
Ведь только Бог способен выбирать
В своей Господней милости — Поэта.
Сергей Есенин — он под Богом был,
И на вопрос, который не был шуткой:
«Кто в мире вы?» —
Сказал, как отрубил:
«Кто в мире я? Я — Божья дудка!»*

Поэзия — «прекрасный мой удел», — признаётся Владимир Скиф, творческое вдохновение дарит ощущение полёта:

*Какая улица прямая!
Простреленный каплейю снег
Вошёл в стихи. А я летаю
Под облаками по весне.
Вошли стихи... И без усилъя
Душою космос овладел.
Там я отрациваю крылья:
Таков прекрасный мой удел.*

Прекрасным своим уделом называет Скиф поэтический труд, так пусть он таким останется и далее, светлым и вдохновенным.

**Нина ПЛАКСИНА,
Крым**

САМОБЫТНОСТЬ ТАЛАНТА

Дорогой Володя! Спасибо тебе за книгу! Спасибо за столько отличных стихов, многие из которых настолько пронзительны, с таким болевым нервом, что сердце захватывает. Как ты написал о Маше Распутиной! О самом Валентине! А о Родине: «О, как люблю Отчизну я // Жестокой, нежною любовью». И вот такое: «Поле овсяное тихое // Прячет улыбку в усы». И в том же духе: «И душой к родной деревне, // Как к иконе, прислонюсь...»

Володя, тебя цитировать и цитировать можно без конца, настолько у тебя душа открытая, русская, сибирская, настолько твоё творчество стало художественно сильным. Прочитав твой «Русский крест», я ещё более полюбил тебя. Я говорю о цельности, самобытности таланта твоего. И полностью согласен с Володей Бондаренко, он всё правильно написал о тебе, я бы добавил только одно: есть в твоих стихах красота — живая, природная, и это красота и высота твоей романтической души. По нынешним временам это редкость.

Рад за тебя, за нашу русскую поэзию. Живёт и будет жить! И никакие хазары не возьмут нас, и Русь не умрёт, ведь ты же, в конце концов, сам убеждаешь:

*Оживают в любви и во славе
Русский крест,
русский мир,
русский дом!*

Николай РАЧКОВ,
поэт, член Союза писателей России,
секретарь правления Союза писателей России,
лауреат многих всероссийских
и международных премий,
г. Тосно Ленинградской области

«САМ СВОЮ Я ВЫБИРАЮ ДОЛЮ...»

Стихи Владимира Скифа чисты, прозрачны, глубоки, светоносны, как озеро-море священный Байкал. О них нельзя говорить презренной прозой. Их надо читать, слушать, осязать, чувствовать, зреть, обонять, погружаться в мелос и растворяться в нём... В них отражается РУССКИЙ КОСМОС, рыдает РУССКОЕ СЕРДЦЕ, сквозит обжигающий РУССКИЙ ВОЗДУХ, сияет вселенской мудростью РУССКАЯ ЛЮБОВЬ и осеняет светом РУССКАЯ НЕБЕСНАЯ БЛАГОДАТЬ.

О таких, как Скиф, в народе говорят: ПОЭТ от БОГА! Или: его при рождении поцеловал в макушку Господь! В макушку — в тот пульсирующий родничок, который осязаем только у младенца, невинного и чистого создания. С годами он, родничок этот, костенеет, зарастает костостью. У Владимира Скифа в его стихах этот Божественный родничок не заилился и сохранил свою природную свежесть и чистоту... Стихи Скифа целуют читателя прямо в сердце.

«О-о-о! Сколько пустяшных восторженных фраз и ни одной цитаты из скифских стихов!» — воскликнет докучливый критик. Цитаты? Они все уже давно растасканы по книгам многочисленных стихотворцев. Я и сам не раз подворовывал из Скифа. Чего греха таить. И всё-таки одну цитату из СКИФА не могу не привести: «Сам свою я выбираю долю, // Проживаю заданную роль. // Нет поэта без любви и боли, // Потому что СЛОВО — это боль». Удачи тебе, Володя! И если слово — это боль, то я за тебя болею.

Евгений СЕМИЧЕВ,
секретарь правления Союза писателей России,
поэт, лауреат международных и всероссийских премий,
г. Новокуйбышевск

УТИШИТЕЛЬ ЗЕМНЫХ ПЕЧАЛЕЙ

Вышла новая книга стихов Владимира Скифа с предисловием известного русского поэта Юрия Перминова, который убедительно пишет о том, что поэзия В. Скифа «напитана соками родной земли», он также цитирует Иоанна Златоуста, апостола Павла, философа Ивана Ильина, заверяя нас, что «поэту ведомо многое из того, что утишает земные печали, помогает нам выжить, выстоять».

Год тому назад, когда у Скифа вышел сборник «Молчаливая воля небес», кое-кто выказывал опасения, что он не скоро теперь «поднимет» ещё один том. Страхи увяли беспочвенно. К доброй дюжине книжек Скифа на золотой моей полке прибавилась ещё одна.

Что есть поэт и поэзия? Можно сказать по-разному, но всё же главное для меня — это когда написанные стихи превращаются в публичный вызов — зов к пониманию самого аристократического вида искусств. Нежной преданностью веет на меня и от святого поклона матери, и от благословения любимой, эти стихи очень трогательны.

Здесь, как и раньше, мне видятся иркутские дворы, где мы довольно часто встречались со Скифом в нашей молодости, — самое мистическое и легко сбивающее с ног или... с ноги. И это правильно, потому что все мы идём по мосту, а шаг в общую рифму разрушает основание. И мы просто гибнем. Скиф удерживает нас от этого удара. Скиф смягчает удар. Как он это делает? Откуда такие скрепы, опоры? Во-первых, он служил на флоте, но в авиации, то есть дважды Дракон. Во-вторых, он лепится на узком берегу Байкала, и порою до поздней осени его можно видеть в каменных бухтах и туннелях Кругобайкалки. А иногда и в аквамариновом пламени Байкала, откуда он выходит

навстречу местному рыбаку Пете Мельнику и вместе с ним на стынком берегу опрокидывает по стопке и закусывает омулем. Эдакое языческое жертвоприношение хорошо согревает и сдерживает удар Байкала. Бесспорно, Байкал — один из основных Атлантов творца нового литературовидческого эпоса озёрной жизни замечательной семьи «байкальчан». Слово «дачники» — не для писателей, не в адрес писателей. Для многих это — лучшее место работы, а для самого Скифа — определённо.

Не трудно цитировать популярного поэта. Его строчки нарасхват. Вот она — книга, погладь её, и она зашелестит на коленях. А мы — не кладоискатели, мы подбираем то, что поэтом обронено невзначай, оговорками. Он забыл, но мы не забудем никогда то, что ещё горит в заревах сибирского моря. «Излучения Скифа мы носим на слабой груди», об этом говорил Боря Архипкин, тип абсолютно городской. Но Скиф черпает поэзию в скалистых заливах и «фиордах» провалившейся горной страны. Кем бы мы оставались, если бы не было этого «провала»? Горцами? Поэт околдован чистой водой, он делает нас поборниками чистоты. Не тщетно ли? Не идеалист ли он? Давайте слушать голос высокого пернатого певца, кружащего над морем: «Я лечу с журавлями по небу, // Белой чайкой скольжу между скал». К чему он призывает нас? Чем он может нас увлечь? Как это, побежать с горы и взлететь и не помнить, где ты был? Как этот зов, как эту высоту птичьего полёта поэт перенимал и удесятерял?

Слышите певца торосов и кристальных зеркал? Никто не знает, что именно зеркало высмотрит в нас и приумножит: ум, раскаянье, любовь, как у Скифа, или «мохнатый с глазами свинцовыми выглянет вдруг из-за плеч»? Скиф учит молодых. Поэт пишет «для молодых, для тех, кто едва берётся за перо, а может быть, и не возьмётся никогда», — говорит мне студентка филфака.

Действительно, мастерство надо нарабатывать, а это — и врождённый ритм, и где-то рафинирующийся вкус, ну, страдание или цинизм — синонимы в неопровержимых строках. Думая о живом человеке, каким является Владимир Петрович, переносишься в эпохи, остановленные его пером: Цицерон и Диоген, Кирилл и Мефодий, Сергей Радонежский и Дмитрий Донской, Страдивари и Пушкин, Шарль Бодлер и Франсуа Вийон, Велимир Хлебников и Георгий Свиридов, Василий Шукшин и Николай Рубцов, Евгений Семичев и Диана Кан, наши Сергей Иоффе и Женя Варламов... Переносишься и понимаешь, как важно поэту зацепить читательские эмоции, дать крыльям воображения встречный ветер, чтобы поверили: вам здесь помогут, поддержат, согреют. Увы, одиночество разрастается, этот синоним взаимного равнодушия, и когда не с кем и не о чем говорить, неплохо обратиться к подлинным стихам. А в Скифе мы не ошиблись: этот хороший человек ещё и хороший поэт.

В антологии личной философии поэта Скифа тревога о благе человечества постепенно вытесняется обстоятельствами вечных истин и вечных субстанций бытия, в частности бессмертной души. В одном из предисловий к собранию сочинений В. Г. Распутина Сергей Залыгин написал, что «духовность — это в частности создание истории души». Имелся в виду, конечно, труд писателя. На этой дороге теперь мы встречаем и Скифа (лат. Skitai), то есть скитальца перед лицом неба, ниспославшего Ангелов на душевный правёж. «Белый Ангел пролетает» — исповедальный раздел книги, где автор особенно щедр на признания невыболевших страстей:

*«“Вы, наверно, друг друга любили?!” —
Шелестит придорожная пыль».*

*«Я хочу говорить со столбом —
Он надёжней, нежней человека».*

«Ни света, ни любви, ни Родины, ни места...»

Заметим, что долго ли, коротко ли, но «боль» из рубрик и подразделов наконец вырвалась у Скифа на самый Олимп — в название книги, ещё кипящей, ещё легко теряющей перо на взлёте: да не обратится оно в разящую стрелу. А о том, что стихи Скифа злободневны и безапелляционны, об этом надо говорить и помнить. Поэт полон творческих инноваций и полемических презентаций и глядит на нас со снисходительной улыбкой:

*И Родина светит из всех уголков
Пронзительным светом славянства...*

Скажу о главном. Образность поэта трансформируется по линии слияния оценочности и боготворения природы от «древоточца» до «оси Земли», ворочающейся в иркутских дворах. Когда поэт превращается в писателя — это уже преобразование образного мироощущения. Поражает мощность творческой натуры! Но об этом не здесь и не сейчас... Не могу не спохватиться, чтобы сказать о победных интонациях, зачастую приходящих на смену традиционной для поэта — да и не для него одного — тематике разрухи на Руси, что говорит нам об общем подъёме духа в стране и народе, в связи с чем и хочется поздравить Владимира Петровича с выходом крепкой и интересной книги.

**Владимир СКУРИХИН,
поэт, член Союза писателей России,
г. Иркутск**

СКИФСКИЙ ОГОНЬ

(О творчестве поэта Владимира Скифа)

Как сказал Платон, поэт — это существо лёгкое, крылатое и священное; и он может творить лишь тогда, когда становится вдохновенным и исступлённым.

Вот и мы, молодые и вдохновлённые, а может быть, даже — исступлённые, начинали в 70-е годы свой путь на русский Парнас: Геннадий Гайда, Василий Козлов, Владимир Скиф, Борис Архипкин, Валентина Сидоренко, Любовь Сухаревская и другие.

Немалый пройден путь, и изданы все книжки, и кто-то изменил былой звезде, кого-то с нами нет... Теперь, когда настала осень жизни, стало ясно: самый издаваемый, самый читаемый и самый любимый народом поэт — Владимир Петрович СКИФ. Именно он, Скиф, стал воплощением сегодняшней литературы, её поэтического цеха.

Чем же особенно мил и дорог нам этот поэт? Он добр и доступен в общении, никогда не строил из себя всезнающего классика; на его стихи создано немало песен, и мы напеваем их с удовольствием (про «чай безумный» на Байкале, например, или изумительное: «...Ты проживала в третьем томе / Записок Блока и стихов / Среди туманов и духов»...).

Если проследить развитие его творчества на протяжении лет, я могу сказать, что Скифов в Иркутске немало! Их пять, а может быть, восемь. «Как же так?» — спросите вы. «А так, — отвечу я, — он един в разных лицах».

Мы помним Володю Смирнова, совсем ещё не седого, в моряцкой тельняшке и с первыми тёплыми — то весёлыми, то ироничными — стихами. Но жизнь после службы на Тихом океане стала преподавать серьёзные уроки, и стихи стали наполняться печалью и болью. Так возникают стихотворение памяти

Вэлты Арясовой, «Баллада с старом бакене», «Этот узкий перрон. Этот город пустой...», таинственное «У моря», пронзительные стихи о любви...

Потом состоялись книжки: «Зимняя мозаика», «Журавлиная азбука», «Грибной дождь», «Живу печалью и надеждой», «Копьё Пересвета», «Над русским перепутьем» и другие.

А попутно Скиф сочинял эпиграммы и как-то незаметно перехватил сатирическое перо у знаменитого Александра Иванова. Пародии посыпались как из рога изобилия, и насыпалось их аж на три книги: «Бой на рапирах», «К сопернику имею интерес» и «Себя не сознаваху». Читатели были в восторге, а поэты обещали устроить «тёмную»... шутя, конечно. Считалось, что пародия для поэта — лучшая реклама. Но, бывало, обижались, и даже я сплела на него довольно жёсткий хлыстик эпиграммы. А он только смеялся и сочинял пародии... на самого себя.

Время шло и предъявляло новые и особые требования к творчеству поэтов. И эти «крылатые и священные существа» задумывались над судьбой несчастной России, попавшей в лапы самозванцев или невежд. В их произведениях появились тревожные ноты перед ужасом разорения родительских гнёзд, засорения великорусского языка, выброшенного на обочину жизни... Так же и скифская поэзия наполняется болью: в поисках истины пишутся стихи-воспоминания о родной деревне, о земляках-селянах, о байкальской природе, о Байкале, где каждым летом поэт живёт с детьми и внуками на даче. Поэт знает Байкал и его окрестности не как турист, а как хозяин, вот почему эти стихи столь живописны, полны звуков, древесных шелестов, птичьих позывных, гула штормов и нежного лепета байкальского штиля. Ещё Скиф как никто чувствует космическое дыхание Байкала и всё колдовское влияние его на человека и умеет выразить его в волшебных стихах, которые хочется перечитывать без конца:

*Не движется застылый воздух,
И лишь Байкал, забыв про сны,
Всю ночь процеживает звёзды
Ковшом безмерной глубины.*

Позволю себе высказать догадку о тайне скифской поэзии: страсть и чувственность, ум и ярко выраженная гражданская позиция — и редчайшая искренность, доверие к своему читателю. Короче, скифский огонь.

Сколь бы ни хотелось мне цитировать его лучшие строки, стихи, всё равно и бумаги не хватит, и легко пересечься со многими ценителями этой яркой, живой, многозвучной и многоцветной поэзии; в особенности с авторами предисловий двух последних книг Владимира Скифа: Станиславом Куняевым — к книге избранного «Золотая пора листопада»; или с автором великолепной статьи («Поэт эпохи Водолея», предвещающей сборник «Русский крест») — критиком Владимиром Бондаренко, где он говорит о символичности случайно мной подсказанного псевдонима для Володи Смирнова и прикипевшего к нему, как тельняшка к морскому волку. Бондаренко даже в нашей иркутской стороне нашёл признаки древней Скифии! И он не зря проводит параллель между творчеством Скифа и Кузнецова: Юрий Поликарпович был его другом и учителем. Хотя, я знаю, Володя учился у многих поэтов, и это только обогащало его поэзию.

Бог и родители дали поэту лёгкий характер, но душу глубокую. Скиф создал целый поэтический пантеон известных поэтов, прозаиков, политиков, священников и просто друзей-товарищей, с которыми свела его судьба, а дружить он, несомненно, умеет. Книгу он назвал «Галерея».

И есть среди прочих «тихие шедевры», как я их называю, — стихи, в которых не найдёшь ни строчки фальши, написанные

с какой-то особенной теплотой. Вот стихотворение «Дёмушка», посвящённое Виктору Дёмину:

*День прогрет до доньшика,
До речного дна.*

*Пашет, пашет Дёмушка
Землю дотемна.*

.....

Пашет, не напашется.

(Огородов — жуть!)

Внуки тётки Дашины

Чернобыльник жгут.

.....

Дёмушка напашется,

Выйдет из углов..

Дёмушке наскажется

Много добрых слов.

Хорошо заплатится..

Только почему

Дёмушке заплачется

В доме одному?

Прочитала — и вспомнилось вдруг раннее детство, маленькие огородики поселковых жителей, которые тоже вспахивал на лохматой лошадке по весне старый (как мне казалось) бородатый пахарь с перевязью поперёк лба... О чём плачет в своём доме русский человек?... И откуда такая знакомая сердцу тоска...

Много стихов с политическим содержанием пишет Владимир Скиф. С той же страстью, с открытым забралом поэт идёт на битву с пожирающим матушку-Русь великим злом! Наверное, не у одного негодя сжимались челюсти в злобе на Слово правды.

Судя по последним книгам, поэт много работал над стихами, переделывал не один раз прежние варианты — нелёгкая это работа, но деревенское его трудолюбие и жажда деятельности выносили его, словно добрые кони. И назывались они — Творчество и Вдохновение.

Незабываемы стихотворения Скифа «Художник и сатана» (какая-то космическая мистика о потерявших себя в пространстве Добре и Зле); поразившее меня, только что написанное тогда стихотворение «Жернова», которое он читал мне в нашей совместной командировке в городе Братске; потрясающее — «Свалка» и стихи о скрипке Паганини...

Да, столько у меня закладок в сборнике «Золотая пора листопада» — а живётся нам, пишущим, тесно — на страницах СМИ! Просто, открыв это великолепие, вы не захотите с ним расставаться, так же, как и я. Сколько написано ярких, звеняще-чистых стихов о Байкале, о ещё не до конца убитой сибирской тайге, о временах года... Эти строки помнятся как молитва, как песня о любви:

*Стихи в старинную тетрадь
Записывать, как струйки мёда
Вкушать. Не тцитья и не лгать,
И у скрипучего комода
Стоять и со стекла стирать
Пыльцу от бабочки умершей,
Твоё сознание сумевшей
К себе, умершей, приковать.
И самого себя позвать
Уйти в поля, уединиться,
Текучих мыслей не сбивать,
Летучих листьев не срывать
И горькой осенью упиться...*

Как-то я спросила у Володи, как он работает, наверное, по принципу «ни дня без строчки?» Ведь у него в последнее время вышли ещё две, совсем неожиданные, книжки. В 2006 году — «На срезе времени зелёном», где через очарование то каменных срезов, то разводов небес и далее гобийской пустыни, нарисованных художником Сергеем Прокопчуком, он создал стихотворные строки, выражающие астральный тонкий мир... как он сам говорил, трансцендентальную бесконечность:

*Пожухлых трав седое бденье,
Поблекшая степная шаль.
Застыло жёлтое сомненье
И фиолетовая даль.*

*Былинок тихое движенье.
Суглинок.*

Марево.

Песок.

*Души и космоса сближенье.
И жизни — тонкий волосок.*

И ещё — детскую книжку «Шла по улице корова», которая принята детьми, как родная.

Я знаю, что творчество Владимира не останавливается, есть уже подборка новых стихов... А на мой вопрос о работе поэт ответил, что пишет он, как только приходит вдохновение, порывами, отдавая благодатную энергию сердца, «на радость вам и мне», а потом может молчать месяц, другой... и даже год. Только бы сердце не подвело — увы, оно не железное...

И поделом, то есть по делам, он стал председателем Иркутской писательской организации! С его человеческим опытом, умом и верностью писательскому делу, мы считаем, Владимир

Петрович подтянет наш обновившийся Союз до былого уровня, когда он был одной из лучших писательских организаций нашей России.

К нему в кабинет не стучатся робко, а входят запросто. Это не часто бывало в нашем общем Доме. Так что Союз писателей России живёт и пополняется пишущей братией, к чему тоже немало стараний прилагает наш лидер и большой Поэт Владимир Скиф.

Татьяна СУРОВЦЕВА,
член Союза писателей России,
г. Иркутск

«НАДО ТОЛЬКО ВЗГЛЯНУТЬ ШИРОКО В НЕБЕСА...»

Есть у каждой реки исток, маленький ключик, от которого всё начинается. И чувство Родины прорастает, как всё большое, из малого зёрнышка. Этим зёрнышком в детстве могла быть речка, текущая в ивняках по степи, зелёный косогор с берёзами и пешеходной тропинкой.

Близкие сердцу картины родной земли связаны у нас с самыми первыми радостями узнавания жизни, с ощущением жизни как таковой, с неосознанной ещё благодарностью за эту жизнь. Это могучая сила памяти. Она влечёт птиц из дальних краёв к месту, где они родились, она всю жизнь согревает человеческое сердце, делает его счастливым. Или несчастным, если человек почему-то потерял Родину. Разветвлённое древо чувства Родины должно иметь самый первый изначальный росток, и чем он крепче, тем быстрее дерево вырастет, тем зеленее его вершина.

Вот о чём я думаю, читая стихи Владимира Скифа — поэта, никогда не искавшего мирских утех в виде литературных премий и прочих наград. Подчас, когда мы пропускаем, пролистываем поставленные в «красной угол» творческой биографии лауреатские «отметины», выясняется, что перед нами и не Художник вовсе, но — в лучшем случае — добротный ремесленник. Мне, например, безразлично было бы знать, в каком году Владимир Скиф стал или не стал лауреатом «чего-то», потому что его творчество позволяет ощутить бессмертие русской души: «Почему так манило людей в небеса, // Где дорога души широка и бескрайна, // Их манило туда, где жила бирюза, // Где качалась лучами небесная тайна...»

Найти слова, чтобы воспеть Родину. Найти слова через сыновью любовь к родной земле:

*И поля, и берёзки кривые,
И листвы многошумный прибой —
Это Родина, это — Россия
С горьким дымом
над отчей избой.*

.....
*...Мы себе своё счастье косили,
Шли домой по знакомой тропе,
Где горячее сердце России
Билось пламенем в каждой избе.*

Вот и в новой книге Владимира Скифа всё так же нет ни соринки наносного, чуждого. Только — русское: оплакать, и помнить, и идти, клонясь, снежным путём своим...

«Царство Божие внутрь вас есть». Оно уже есть, оно уже наступило. Но наступило пока без нас, а наша задача — чтобы оно наступило ещё и вместе с нами. «Взгляд из вечности» — что это? Мы не можем поставить себя на место Бога и посмотреть так, как если бы Он смотрел, — из вечности. Но мы, имея вечную душу, имеем в себе частичку вечности, которая даёт некоторую способность упразднять время. И тем больше, чем мы чище от страстей и ближе к Богу, тем в большей мере мы это ощущаем.

Поэзия — ответственная вещь, об этом о Павел Флоренский очень хорошо сказал, что или они обманщики, эти поэты, или они проникают в суть вещей и говорят то, что есть на самом деле. А на самом деле есть вот что:

*И вкривь, и вкось стоят заборы
На чахлой родине моей.
Молчат тележные рессоры,
Торчат седины ковылей.*

*Не вижу золотого хлеба,
Что убирали в сентябре...
Лишь конопля растёт до неба
В пустом, заброшенном дворе.*

Но Поэту ведомо многое из того, что утишает земные печали, помогает нам выжить, выстоять. И он напоминает, не позволяет нам забыть о том, что не уныние правит миром:

*Распахни, человек, и судьбу и глаза,
И не стой среди падшей эпохи нелепо.
Надо только взглянуть широко в небеса
И во всём походить на высокое небо.*

Поэзия Владимира Скифа напитана соками родной земли, потому-то и уготована ей долгая жизнь. Не говорю «вечная» просто потому, что у смертного нет права на такие эпитеты, когда разговор идёт о слове поэта, поскольку единственно «Господь Бог есть истина; Он есть Бог живой и Царь вечный» (Иер. 10:10).

Но бесспорно: книга «Молчаливая воля небес» особенно ценна ещё тем, что нет в ней страшной, свойственной ныне многим пишущим, привычки смотреть на Родину непридирчивым туристическим оком: был Тургенев — хорошо! А ещё и Фет был? Прекрасно! И «Пару гнедых» тоже здесь написали? Браво! «И горько мне стало», — повторяю чужие слова вопреки собственной уверенности в том, что лучше нашей земли не было и нет... А читаю Скифа — сопереживаю и даже в горьком согреваю сердце:

*У забора — стойкий чернобыл.
Сени. Дворик.
Сельские чертоги.*

ЛИРА, СОЗВУЧНАЯ РУССКОЙ ДУШЕ

Поэзия Владимира Скифа неукротима и многогранна. В ней явлена целая гамма чувств и страстей — от любви до ненависти, от праведного гнева до тихого покаяния, от искромётного веселья до ностальгической грусти. Разливаясь, как река в половодье, лирика Скифа созвучна широте и безоглядности русской души.

Русская душа — вот главное сокровище, которое поэт хотел бы уберечь для мира, для Вселенной. Ставя душу превыше всех материальных благ, Владимир Скиф готов то защищать её с мечом в руке, то баюкать, как дитя в колыбели. Недаром его лирическое «я» иногда приобретает богатырские, былинные черты:

*Обниму полмира, полземли,
Рассеку ладонью небеса,
Чтобы ливни Божии сошли
И омыли святостью глаза.*

Ставя знак равенства между душой и вечностью, поэт восклицает:

*...Между моей душой и вечностью земли
Совсем зазора нет. Мы с ней нерасторжимы.
Мы в космосе — вдвоём! Друг друга мы нашли.*

Символично, что поэт с таким мироощущением родился на берегу священного Байкала. В лирике Скифа Байкал занимает особое место, выступая как абсолютная мера неподкупности, чистоты и силы. «Посмотри, как небесное зеркало стало светом байкальской воды», — призывает поэт, отвергая «призрачные мерки» суетной бездуховности:

*И лишь Всевышнему угодный,
В веках, во времени сквозной,
Байкал, холодный и свободный,
Сияет звёздной глубиной.*

Такова же и щедрая, многозвучная, покорная лишь Всевышнему поэтическая лира Владимира Скифа, без остатка преданная России и родному иркутскому краю. Знаменательно, что поэт обогащает отечественную литературу целой галереей ярких портретов русских писателей, своих земляков и живописных пейзажей Прибайкалья.

**Светлана СЫРНЕВА,
секретарь правления Союза писателей России,
лауреат многих литературных премий**

В ЦЕНТРЕ РУССКОГО ПРОСТРАНСТВА

У прекрасного русского поэта из Иркутска «во глубине сибирских руд» – вышел новый поэтический сборник «Молчаливая воля небес». С чем его по-товарищески и хочу поздравить.

Стихи Владимира Скифа не только ворвались в русскую душу читателя, но и уже растворились в ней! Не зря он много печатается в «толстых» ведущих русских журналах, таких как «Москва» и «Наш современник», «Простор», литературных альманахах и газетах...

Хорошего поэта, как говорится, можно узнать сразу, прочитав несколько стихотворных строк:

*Янтарным светом осеняет осень
Пространство мира и провалы сна...*

Или стихотворение, написанное на приезд друга, – «К Байкалу»:

*Байкал — не Крит, не Уолл-Стрит,
Не мексиканский колорит.
Байкал — он космоса предтеча.
Здесь тонут солнце и звезда,
Столкнулись лава и вода.
И волны бьют до Хубсугула.
Мой друг забыл про все года,
И в ночь метнулась борода,
И до Байкала достигнул.*

Или на смерть Сталина:

*...Мама чёрной ниткой галстук обшивала,
Пионерский галстук — чёрною каймой.*

Я бы мог повторить слова литературного критика В. Лютого о поэте Скифе: «В его стихотворениях очень много глаголов, которые в пейзажной лирике обладают волшебными свойствами: они оживляют деревья, холмы, небо, облака, солнце...»

Основные черты лирики Владимира Скифа – это страсть и сила чувств в сочетании с умной мыслью, поэтическая молодость, помноженная на зрелый жизненный опыт, и сердечность в сочетании с высокой культурой стиха. Прочитав новый сборник стихов «Молчаливая воля небес», в который раз убеждаюсь, что поэт обладает незаурядной творческой индивидуальностью и очень разносторонним поэтическим дарованием.

Русские поэты не могут жить без великих пространств и великой равнины. В Европе они задыхаются... Европа же по сравнению с Россией «кротовая нора», как называл её Наполеон, которого мы гнали по русской равнине, пока не загнали в ту самую кротовую нору.

Вот и поэт Скиф живёт в самом центре русского пространства, рядом с Великим Байкалом. Он и родился под знаком Водолея, знаком России, куда входит и его любимая Сибирь.

Он ещё и дитя Победы, родился в 45-м году. У него психология ПОБЕДИТЕЛЯ. Как же ему не быть ПОЭТОМ?

Владимир Скиф неутомим, как жокей, сидящий на лошади. Лошадь пущена в галоп, и её уже не остановить до финиша... до конца... Такой ритм жизни избрал не сам автор, а такова его судьба.

Когда умер последний русский гений и мой учитель Юрий Кузнецов, у меня было ощущение, что и поэзия умерла. Нет!!! Пока живёт в русской глубинке Муза и заглядывает на кухоньку к провинциальным авторам – Поэзия бессмертна. А поэты, как Божьи искры, одна разгорится, а другая потухнет, но в итоге «Костёр рябины красной» будет гореть и в Перми, и в Москве, и в Иркутске! Слава России! Слава её поэтам!

Игорь ТЮЛЕНЕВ,
поэт, секретарь правления Союза писателей России,
лауреат многих всероссийских и международных
литературных премий

* * *

Столбы гудят и мчатся вдаль,
На горизонте пропадая.
Жнёт перезревшую печаль
В полях бескрайних Русь святая.

Берёза плачет над крестом,
Ей ветер косы расплетает.
И в поле чёрном и пустом
Ворона мёртвая летает.

Здесь дом стоял. И от плетня
Меня влекли — судьба и воля.
Теперь в разверстой пасти дня
Калитка хлыбает средь поля.

В ночную копоть скрылся лес,
Господь с России мглу сметает.
Звезда срывается с небес —
И до земли не долетает.

Снегу в саду намело
Белые-белые горы:
Даже ночами светло,
Светят дома и заборы.

Свет неземной у земли,
Вижу из окон опять я —
Это на землю сошли
Ангелы в облачных платьях.

Снегом согнуло в дугу
Две молодые берёзы.
Светят на хрупком снегу
Ангелов чистые слёзы.

Видятся мне из окна
Звёздные прорези неба.
Душу щемит тишина,
Ткущая омуты снега.

Снегу до звёзд намело...
Кажется мне в самом деле:
В небо взлетает крыло
Чёрной дымящейся ели.

Ты прекрасна, ты просто роскошна.
Ты гуляешь сама по себе,
Как изящная чёрная кошка —
По своей, по моей ли судьбе.

Мимо зорь, мимо ближнего ада,
Мимо чёрных валютных менял
Ты идёшь, как волна камнепада...
Я тебя столько лет догонял!

И догнал в ослепительном зале,
И на крыльях любви перенёс
В сонный лес, окуная в Байкале
Полуночное пламя волос.

Я тебя отобрал у прохожих,
У садов, источающих хмель,
И твоею атласною кожей
Упивался, как яростный шмель.

В обжигающем зеве Байкала
Мы купались с тобой нагишом.
Тихий Ангел на тёмные скалы
Сыпал звёзды небесным ковшом.

Ты стояла под небом нагая,
Ты шептала: — И всё это мне?!
Лился свет, по ключицам стекая,
И искрился в живой глубине.

ВОЛК

Засеребрился воздух плотный,
Земли и неба клацнул стык,
Как волчьи зубы.

Вой голодный
Вершины космоса достиг.

Он залетал за стены рая,
Касался адова угла...
В тайге застыла волчья стая,
Где вожаком волчица шла.

Шерсть встала дыбом у волчицы,
Огонь метнулся вглубь зрачков.
Зависли волки, словно птицы,
Над хрупким панцирем снегов.

Они внимали песне волка
Среди стеклянной тишины.
В морозном воздухе иголка
Упала медленно с Луны.

Волков напрягшиеся лица
Глядели в мёрзлую тьму...
И вдруг отчаянно волчица
В ночи ответила ему —

Бродяге, волку-одиночке,
Который вызов ей бросал

И острым воем звёзды-точки
Как будто бритвою срезал.

Волк нарушал её границы,
Он в одиночестве грубел,
Но о любви своей к волчице
Он то ли плакал, то ли пел.

В ответ волчица захрипела,
Изнемогая, впала в шок.
И вдруг как вскрикнула, запела,
Как прокусила Млечный шов.

Забыв себя, свои законы,
Где был отвергнут этот волк,
Волчица выла опьянённо,
Из пасти лился белый шёлк.

У стаи онемели холки,
С деревьев пало вороньё,
И очумело стыли волки,
И молча слушали её...

ПАСХА

Словно печка — заря затопилась,
Заалела, как дверца в ночи.
Мне сегодня
 под утро приснилось:
Выпекает заря куличи!

Это правда,
 а может быть, сказка,
Но я вижу на стыке веков:
Луч рассвета —
 янтарная скалка
Раскатала блины облаков.

Это тихая явь или небыль?
Я услышал:
 запела пчела,
И поджаристо хрустнуло небо,
И весёлая Пасха пришла.

Сбились в стаю мои
перелётные птицы,
Покидают прозрачную тихую Русь.
Только чечеты, галки,
клевсты и синицы
Над землёю разносят осеннюю грусть.

Только чечеты, галки,
клевсты и синицы
Запекаются в утро румяной зарёй.
Я к рябине приду,
чтобы с нею проститься,
Светом душу промыть над рекой Ангарой.

А рябина красна.
Небосвод аж багрится
От рябиновых ягод — от горьких огней.
Вьются чечеты, галки,
клевсты и синицы
Над печальной и гордой рябиной моей.

Ухожу до весны.
Расставание длится.
Одиноко в лесу. Не кричит вороньё.
Только чечеты, галки,
клевсты и синицы
Обрывают рябину, как сердце моё.

КОСТЫЛИ

Остановлюсь среди печали,
Среди обугленных полей,
Где гложет чёрными ночами
И ходит пара костылей.

Они вдоль памяти шагают,
Непостижимые, как смерть,
И как бумагу протыкают
Забвенья каменную твердь.

Они до сердца достягают.
До человеческого дна,
Где человека поедает
Его сомнений белена.

И он безумствует, алкает
Грехов —
от истины вдали,
А сквозь него уже шагают,
Как мёртвый призрак,
КОСТЫЛИ.

Над Родиной бушует пламя,
А человеческий изъян
Поджёт простреленное знамя
И впал в неистовый канкан.

Из темноты встают калеки,
Гудит огонь веретеном.

Земля, заснувшая навеки,
Покрыта кровью или сном.

Подбитой птицей костеня,
Закат кровавится в пыли.
Я выйду в ночь и побледнею:
Бредут над миром костыли...

Мир деревенский, многогранный,
Земля моя, мой край желанный,
Я зрю проталины твои,
Я вижу твой рассвет туманный
На дне глубокой колеи.

Я вижу старенькие бродни,
К ручью построенные сходни,
В лощине — серую копну
И лист подгнивший прошлогодний,
Как будто втоптаный в весну.

Рассвет к околице прилажен,
Спит детства давнего шалашик,
Где мы скрывались от дождя.
Ворс тишины рукой поглажу,
По тихой роще проходя.

Не вижу малого изъяна
В родном краю, на той земле,
Где блещет радугой поляна
И светит капелька тумана
У спящей птицы на крыле.

Уж скоро холода повыглядят лощины,
Омоют синевой скользящий в небе плот.
И выстудят леса, и небо опрокинут
В озёрные миры, и заморозят в лёд.

Осенняя печаль полмира опояшет,
Завяжет на цветах пожухлые улы.
Остынет иван-чай, рябина перемажет
Кровавою листвою таёжные углы.

На треснувшем кресте скукожится ворона,
Озябнет тишина, и выдохнет ручей
Последний перезвон. Берёзовую крону
Стряхнёт к себе в карман октябрь-казначей.

И снова пелена нетающего снега
Опустится с небес, прилепится к жнивью.
По ступицу в него провалится телега,
Когда поеду я на Родину свою.

И станет торопить возница запоздалый
Трепещущих коней сквозь эту пелену...
Домой приеду я — счастливый и усталый —
И рухну до утра в густую тишину.

ВЕРБНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

В небе — утро светлое,
Мокрая лоза.
Воскресенье вербное,
Чистая слеза.

Молодые, терпкие
Веточки сломлю.
Воскресенье вербное
В сердце расстелю.

Выйду к Божьей матери
По её следам,
На церковной паперти
Нищему подам.

Воскресенье вербное,
Звонкий благовест.
Оживёт над церковью
Золочённый крест,

Поплывёт над Родиной,
Осенит поля.
Видится не проданной
Русская земля.

Злобный мир расколется,
Канет в пустоту.
Встанем и помолимся
Господу Христу!

Воскресенье вербное
Солнышку под стать.
К нам сошла заветная
Божья благодать.

Всё во мне, словно купол святой, золотится,
Всё во мне день и ночь золотою пчелою поёт.
Это сердце моё на цветок поцелуя садится,
Это сердце моё — твоё тело медовое пьёт.

Отодвинь от себя, как чехол, одиночества кокон,
Убери из себя вожделенья — купаться в крови.
Только душу оставь, как сияние мартовских окон,
И себя принеси на горячее ложе любви.

Посмотри, как во мне твоё первое чувство гнездится,
И вселяется дрожь, и бежит, как морская волна.
Это чувство моё на губах у тебя нерестится,
И душа, как таймень, поднимается с тёмного дна.

Ты себя не жалея, как сестра не жалеет водицы,
Ты не бойся себя и ступи на смертельный карниз.
Мы с тобою вдвоём, как огромные белые птицы,
То ли к Богу летим, то ли падаем медленно вниз.

Не страдай о других. Мы себя у других не ворует.
Будь со мною нежна и душою, и телом нагим.
Я целую тебя смертоносным своим поцелуем,
Я сжигаю тебя, чтобы ты не досталась другим!

* * *

Утро косы небу заплетает,
Заплетает тропки у реки.
Серый день кукушкой пролетает
И садится поперёк тоски.

Осень листья медяками кинет,
В голых ветках птахой засвистит.
А тоска не сдвинется, не минет,
Никуда из глаз не улетит.

Небеса Всевышний опростаёт
От дождей и облачных пластов,
И заря холодная натаёт
В ковшики рябиновых кустов.

Ты — моя госпожа, ну а я — твой невольник.
Ты — владычица сладкой неволи моей.
Ты мой строгий конвой, ну а я подконвойный.
Быть подвластным тебе — нету доли милей.

Ты — владычица, ты — молодая весталка,
Ну а я — только раб, я Востоком пропах.
Ах, как время прядёт — поднебесная прялка!
Ах, как сладко стонать на терновых шипах!

Приникаю к тебе своей жадной аортой,
Присыхаю к тебе, словно кожа твоя.
Над тобою — горячей, как ночь распростёртой,
Скорпионом любовь пламенеет моя.

Манит облако нас золотым меринсом...
Ты на облаке спишь, дольний мир ослепя,
Но я жалею тебя скорпионом несносным,
Я впиваюсь в тебя, убивая себя.

Догорает в огне поднебесная прялка...
Снова грезится мне смертный шепот в ушах...
Это шепчет во мне молодая весталка:
«Я — рабыня твоя. Ты — мой злой падишах!»

ПУСТЫРИ

Не отвести немого взгляда
От этих голых пустырей,
Где в тёмных трещинах распада,
Как будто бы в морщинах ада,
Стоит печаль моих полей.

Ещё недавно восходила
Пшеница в терпкий Божий день.
Но землю пагуба схватила
И ни на миг не отпустила,
И поселила в поле тень.

Над пустырём полынь скрепила
С землёй себя в один присест.
И до небес возшла крапива...
Как на погосте сиротливо
Здесь появился смертный крест.

Россия! Взяв штыки и вилы,
В себя, опальную, смотри!
Неужто бесы чернокрылы
Продавят нас через могилы —
На пустыри?!

СОВА

Ночь словно выстрижет слова,
Повыдергает звуки,
И только чёрт или сова
Загукает в излучке
Текучей вечности, в её
Пустом углу без тверди,
Где, как бельё — висит бельё
На костяке бессмертья.
Где в небе, между чёрных звёзд,
Заледенела лира,
И тишина, как твёрдый ворс,
Покрыла струны мира.
Не сплю на дне пустого рва,
Где вьются корни-свёрла,
Пытаюсь вытолкнуть слова
Из каменного горла.
И не могу, дышу едва,
Как будто жизнь пропала.
Крестом летящая сова
На сердце мне упала.

ДНО

Не луна восходит. Лезвие.
Мутно небо. Ночь мутна.
Крылья, что ли, мне подрезали:
Я уже коснулся дна.

Прохожу по дну. Здесь топчется
Нищий воин и студент.
Здесь заточка вором точится,
Наркоту сбывает мент.

Дно дырявое качается,
Сквозь него летят года.
Но здесь тоже отмечается
День Победы иногда...

* * *

Милая Русь, ты была оживлённою,
Пела, крестила детей,
Тщилась остаться живой, обновлённою
В мире жестоких идей.

Русских людей без идей не оставили
И без кровавой войны.
Сердце народа напалмом оплавили,
Кол принесли для страны.

Где наши песни, надежды вчерашние?
В душах — сомненье, раскол.
В тело России вошёл телебашнею
Страшный Останкинский кол.

* * *

Вечность снижается.
Жизнь отражается
Где-то в благих небесах.
Там наши трудные
судьбы решаются,
Души лежат на весах.

Там и поступки
и жизни итожатся,
Трудятся Ангелы в лад.
Очередь в рай
удлиняется, множится,
Но и не меньшая — в ад.

РУСЬ

На страну смотрю участливо,
На родимые края.
Ну когда ты будешь счастлива,
Русь угрюмая моя?!

От пожаров и от дыма я
Укрываюсь без конца.
Ну когда же, Русь родимая,
Ты спасёшься от свинца?

Беды катятся лавиною.
Ратоборцем встану я
Над тобою — журавлиная,
Русь былинная моя!

СТАРОМУ РУССКОМУ ВОИНУ

Твоя жизнь тоской просвечена
И святою сединой.
Твоя сабля кровью мечена
И Гражданскою войной.

Нынче жизнь твоя бессмысленна,
Мир избавлен от любви.
Но твои бывшие выстрелы
Всё гудят в моей крови.

Дай мне саблю безупречную!
Я средь поля на скаку
Своего врага извечного
На два стога рассеку.

* * *

Айсберга острые грани
Борт полоснули ножом.
Переломился «Титаник»,
В тёмную бездну ушёл.

Айсбергов тайные силы
К русской крадутся душе.
Словно «Титаник» —
Россия
Переломилась уже.

* * *

Жизнь, как свет, в окошко брызнула,
Никому не потушить.
Я как будто начал сызнава
Улыбаться, думать, жить.

Мне б поля не видеть голыми
В обездоленном краю.
Брошусь из огня да в полымя,
Чтобы выстоять в бою.

Русь моя, начнём всё сызнава!
Поднимайся из руин,
Чтобы жизнь лучами брызнула
Среди проданных равнин.

Поднимай свой меч, оплавленный
Русским пламенем побед!
Ярославной хватит плакаться,
Ведь тебя сильнее нет!

ЧЁРНЫЕ ДЫРЫ

В небе чёрных дыр всё больше,
Всё плотнее пустота.
Вон в дыре исчезла Польша...
Жаль, хоть Польша и не та.

В чёрных дырах, словно тина,
Мрак — и днём, и поутру.
Но за Польшей — Украина
Так и ломится в дыру!

* * *

Никнет дикая в поле трава,
Тишина над родимой сторонкой.
Слава Богу, что мама жива:
Я себя ощущаю ребёнком.

Я иду по колючей стерне
И по роще, где свищут синички.
Застеклённая в тишине,
Мама штопает мне рукавички.

Подойду, постою у окна,
Из груди сердце выпрыгнет в сених.
Вдруг очнусь, зазвонит тишина...
Я пред мамой стою на коленях.

Ты — серна, ты — летящая по скалам,
Со мной играла — космос выгорал.
Ты не меня — судьбу свою искала
И не нашла. Но я тебя — украл!

Я — вор, я — волк, всю ночь тебя ласкавший
От жадных губ до ветреных колен.
Я — вор, я — волк, всю жизнь тебя искавший
И сам попавший в твой опасный плен.

Ты — серна, ты сквозь ветер пробегаешь,
Проходишь скалы или облака.
Я — твой стрелец, отпущенный богами,
Со стрелами и волею стрелка.

Я жду тебя у тёмной переправы,
Где мечется угрюмая река.
Я стрелы смерти напитал отравой,
Чтоб поразить тебя наверняка.

И вот я вижу: ты летишь на тризну,
И я пускаю смертную стрелу...
Ты заскребла по уходящей жизни,
Как будто бы железом по стеклу.

Ты — серна, ты — печаль моя земная,
Моих терзаний светоносный шёлк.
Я до сих пор, убив тебя, не знаю:
Я — твой охотник или я — твой волк?

ЖИВОЙ РУБЦОВ

Я иду с ним за клюквой по волглому берегу,
По осеннему берегу Толшмы-реки.
По седым луговинам, по северу бедному,
Где в болотах дымятся кудели тоски.

— Русь себя не хранит!

Разломилось Отечество!

Как же больно в груди! — восклицает Рубцов.
И душа вместе с ним птицей-ангелом мечется,
И срывается дождик, как пули свинцов.

Набрели на зимовье в промозглой болотине,
Развели костерок для себя, для души.

— Клюква есть, погляди!

Я тоскую по Родине! —

И Рубцов замолчал, будто плакал в тиши.

Ночь упала, как смерть, позакрыла прогалины
Между чёрных стволов, зацепила лицо.

— С утраца наберём! —

на фуфайке подпалину

Не спеша загасив, заключает Рубцов.

Леденеет земля и молчит Мироздание,
Млечный путь заморожен, как белый язык.
Смотрит в небо Рубцов

и таинственным знанием

Видит взорванный век и грядущего лик.

СОН

Сон слетает с тёмных окон
И у века на краю
Заворачивает в кокон
Душу бедную мою.

Буду спать во тьме незримой
И во сне, а не во зле
Буду помнить о родимой
Разворованной земле.

Буду снова счастье кликать,
Над Россией пролетать,
Будем с нею горе мыкать,
Раны тяжкие латать.

Ночь пройдёт, и на рассвете
Я нащупаю в тиши
Рваный стык тысячелетий,
Или шрам моей души.

* * *

В осенней тишине закружится солома,
Последний ледяной сломается цветок.
Поднимутся ветра, запляшут возле дома,
Пройдёт моя душа сквозь вихревой поток.

Сталистая, как дым, завьюжится дорога,
Небесный об неё расколется сосуд.
Иду сквозь ураган, иду по воле Бога,
А сотни белых змей навстречу мне ползут.

А дьявол мне в плечо разгорячённо дышит,
А ветки тычут в бок, как перочинный нож,
Но светится душа и дьявола не слышит,
Где я с крылами вьюг на Ангела похож.

Иду сквозь пелену, сквозь дьявольские плачи
И вижу отчий край в сиянии небес:
То воссиял Господь и путь мой обозначил,
Где я несу во тьме свой Неделимый Крест.

ОСЕНЬ

Пожелтели поля и пожухли,
В небе гуси построились в ряд,
Но берёзы ещё не потухли:
Словно белые свечи горят.

Стало сыро, и голо, и пусто
Посреди обнажённых ветвей.
Осыпаются листья и чувства,
Запер лето на ключ муравей.

Грусть осенняя непостижима!
Скоро выстелет землю Покров.
Полетит белый веер снежинок
Из высоких Господних миров.

Улетают последние птицы,
Ты глядишь в опустевшую даль,
И в глазах у тебя золотится
Отгоревшего лета печаль.

* * *

Ещё шиповника кусты
И зелены, и кучерявы,
Но еле теплятся цветы
И зори тёмные кровавы.

Ещё качает колыбель
Из паутинок
 ветер-странник,
Но стелет снежную постель
Октябрь на
 Хамар-Дабане.

Ещё является трава
И птица крылышком трепещет,
Но баргузина булава
По золотистым скалам хлещет.

Ещё черёмуховый лист
На сизой ветке багровеет,
А небосвод Господний чист
И с высоты предзимьем веет.

ХУДОЖНИК И САТАНА

Сколько истин на свете? Наверно, одна?
Сколько истин сомнительных, ложных?
Как-то встретились в дальних мирах —
сатана

И идущий по свету художник.

Говорит сатана: — Ты талантом согрет
И его почитаешь ты Божьим?

Да, конечно.

Тогда напиши мой портрет,

Коли ты — настоящий художник.

Потеснив небеса, развернули холсты

Сатана и бродячий художник.

— Я тебя напишу, если истина — ты!

— Я из истин.

— Каких?

— Непреложных!

Пузырился рассвет.

День, опухший от сна,

Покосился невиданным фертом.

Над свистящею бездною сел сатана,

А художник застыл над мольбертом.

Пригляделся, спросил:

— Что за облик возник

Преодо мною? Он — тысячеликий!

Кто ты? Дно или небо?

– Я – вечность и миг.
Я – антихрист. Я – тьмы повелитель.

Я разорванной мглою весь мир забросал,
Словно комьями чёрного снега.
Я Иуду родил. Я Христа не спасал.
Ты, художник, теперь – мой коллега.

Ты со мною себя своей кистью связал.
И о Боге не тщишься. Ты – безбожник.
Ведь однажды меня ты уже написал.
– Как же так?! – изумился художник.

– Как и многих, объяла тебя темнота!
За серебряных тридцать! – ничтожных!!! –
Вдохновенно

с меня

написал ты Христа!

– Боже мой! – содрогнулся художник.

– Боже мой! – он воскликнул. –

Моя в том вина,

Что я предал и небо, и сушу!

И в кипящую мглу прохрипел сатана:

– Этот мой. Я возьму его душу!

В сатанинских объятьях до тёмного дна
Докатился безбожный художник...
Сколько истин на свете?

Наверно, одна!

И она, как Господь, непреложна!

МАЛАЯ РОДИНА

*Маме Смирновой
Надежде Прокопьевне*

Милая малая родина.
В сенях — уютный закут.
Зорь раскалённые противни
Солнечных зайцев пекут.

Поле овсяное тихое
Прячет улыбку в усы.
Каплет роса или тикают
В маминой спальне часы.

С облака падают голуби,
Рдяное утро свежо.
Ткань поднебесного полога
Первым кроится стрижом.

Дверь наша в сенях захлыбала,
В подпол ушла тишина.
Встала деревня, одыбала
От упоённого сна.

Переливаются голуби
Радужным, ярким пером.
Будто бы звёзды расколоты —
Светят дрова серебром.

День — обновленьем и гомоном
Утренний двор приобнял,

И золочёную голову
В небо подсолнух поднял.

Пряная наша смородина
Перешагнула забор...
Милая малая родина —
Божьего промысла двор.

Вижу твоё назначение,
Вижу в тебе испокон
Божьего света течение,
Словно течение времён.

Где былинки и корни
Поле сочное ткнут,
Где поджарые кони
Тёмный космос толкут,
Где становятся звёзды
У избы на постой,
Там я пил чистый воздух
Русской дали святой.
Там высокие травы
В мокрых долах косил,
Добирался до славы
И отравы вкусил.
Возле кручи вселенской
Из родного ковша
Доброты деревенской
Набиралась душа.
То слезами, то кровью
Умывалась она,
А судьба за любовью
Шла во все времена.
За любовью, за пылью
Как безумная шла
И разбитые крылья
За собой волокла.
Ах, судьба, ты не меньше
Чем огонь и зола:
Поцелуями женщин
Ты мне губы сожгла.
Не дарила мне башен,

Но творить помогла
И поэзии чашу
Мимо не пронесла.
Ходят рифмы в загоне,
Я открою закут:
Пусть, как чалые кони,
Чёрный космос толкут.

Стихи в старинную тетрадь
Записывать,
 как струйки мёда
Вкушать. Не тшиться и не лгать,
И у скрипучего комода
Стоять и со стекла стирать
Пыльцу от бабочки умершей,
Твоё сознание сумевшей
К себе, умершей, приковать.
И самого себя позвать
Уйти в поля,
 уединиться,
Текучих мыслей не сбивать,
Летучих листьев не срывать
И горькой осенью упиться.
Поля пусты.
 Кусты черёмух
В небесных видятся проёмах,
Их из пространства не убрать,
Не отпустить из глаз навеки,
И, как стихи, сырые ветки
Вписать в старинную тетрадь.

* * *

Лежит темнота на земле, на воде,
Но там, где над речкой подлещик
Плеснул и затих,
там пошли в темноте
Разводы чуть видимых трещин.

Мяукнула рысь на еловых ветвях,
Уставшая спать и таиться.
И ойкнула птица, слотнувшая страх,
В дупле, как в покоях девица.

Ночь в гавани леса, как на якорях
Стояла и тихо плескалась,
Но сдвинулся сумрак, росой набряк,
И ночь на кусочки распалась.

Лес мягкий, как войлок,
как вата, сырой
Проснулся.
В нём солнце играло.
Над речкой туман возвышался горой,
И в нём темнота умирала.

НАШИ СВИДАНИЯ

Когда судьба по следу шла за нами,
Как сумасшедший с бритвою в руке.

Арсений Тарковский

Свиданий наших лучшие мгновенья,
Наверно, были Божьим дуновеньем.
Господь являлся, исчезала мгла,
И вдохновеньем дуло из угла.
Струился космос, звёзды восходили,
И жизнь была, и не было идиллий.
И ты, как речка, мимо звёзд текла,
Ты моё сердце светом рассекла.
Нам Ангел с неба крыльями повеял,
И я был — твой, и ты была — моею.
Едина плоть, единые крыла,
И без меня — лететь ты не могла.
Летать могли мы в Божьем мире вместе,
Нам зажигало свечи поднебесье,
И мы летали в нежной темноте,
Мы были светом, рыбами в воде.
Мы оживали только друг во друге,
Сливались губы и сплетались руки,
Висела ночь на тонком волоске,
И в сердце — места не было тоске.
Врывалось солнце в хрупкое жилище,
И космос уплывал, нас задевая днищем,
Где страсть моя и молодость твоя
Обламывали космоса края.
Горели травы и колосья хлеба,
Горячим небом становилось небо.

Всё прирастало к сердцу на века:
Цветы и лес, простор и облака.
И сумасшедший с бритвою за нами
Не успевал. Мы — звёзды. Мы — цунами.
Мы всё сметали на своём пути.
О, только бы с ума нам не сойти!
О, только бы нам выжить, не разбиться,
Нам в разных жизнях это всё приснится:
Свиданий луч, и Святорусский Спас,
И бритва, не порезавшая нас.

Вяжет баба у окна в вагоне
То ль косынку, то ли белый свет.
От себя лечу, как от погони,
Полоснул по сердцу острый след.

А в окне мелькают спиртзаводы,
Свалки, проститутки, пацаны.
Вяжет баба то ли мои годы,
То ли саван для больной страны.

Никого не видно на престоле,
Никого в щелях у тишины,
Только чёрт луну катает в поле...
Пустота — под сердцем у страны.

Смерть,
 с людьми целуясь многократно,
Дарит мёртвым — бархат или креп.
Разверну я поезд и обратно
Полечу сквозь мировой вертеп.

Баба, что связала у Тюмени
Пену шали в чёрном море дня,
Скроется, как Афродита, в пене...
Что ей, бабе с воза, до меня?!

КАМЕНЬ

В нём не бушует жизни пламя,
В нём стыннут прошлые века.
— Откуда ты, вселенский камень?
И он сказал: — Издалека,

С Голгофы, где убийцы, судьи
Сошлись у света на краю...
Я тяжек, оттого что люди
В меня вложили злость свою.

Я сам себя убить не в силах,
Меня не любит высота.
Те, кто швырял меня, — в могилах,
Я — камень, брошенный в Христа.

* * *

Ах, какая досада!
Плачет дева моя:
Ей из райского сада
Прошипела змея.

Я сарказма не скрою
И согласия, друзья.
Мою деву сestroю
Называет змея.

* * *

Будто бы гром среди неба,
Голос раздался чужой:
— Нет тебе света и хлеба!
Ты расстаёшься с душой.

Я подниму себя к небу,
Голосом слабым дрожа:
— Света не надо и хлеба!
Пусть остаётся душа.

БОЛОТО

В нём космы осоки на кочках корявых
И тёмных глубин пузыри
В пространстве покажутся местом дырявым,
Пробитым в земле изнутри.

Нырнуть в заповедную бездну охота,
Исследовать смысл западни,
Где в синих разводах плывут по болоту
Манящие тайной огни.

То стоны, то хлюпы, то плач одинокий
Пронзают кромешную згу,
Как будто бы кто-то в кинжальной осоке
Болотную гложет тоску.

А может, в болоте, как детство невинном,
Печали земные слились
И, молнией павшие в чёрную тину,
В нём три измеренья сошлись.

Неисправны века механизмы,
В коих покопался человек.
Надо быть старателем Отчизны,
Чтобы стал самим собою век.

Надо сбить с горящих улиц пламя,
В прах слепую злобу истолочь.
Ведь когда-то поднималось знамя,
Чтобы сердцу русскому помочь.

А теперь воистину несметны
Полчища посланцев сатаны.
Неужели все они бессмертны,
Ну, а мы — для смерти и войны?!

Мы на всё растлительное падки,
От помоев каждый сыт и пьян.
От себя бежим во все лопатки,
Покидая святорусский стан.

Вот они — российские загадки:
Поднимают бомж и наркоман
Над Россией, у её оградки,
Кровью переполненный стакан.

ПОЛОТНО

Опустилось с небес полотно:
То ли древнего времени свиток,
То ль зовущее в небо рядом
Для свиданий с Творцом или пыток.

Подошёл к полотну человек,
Был он вшивый, плешивый, убогий,
Пропадавший в себе целый век,
Никогда не мечтавший о Боге.

Дёрнул раз, дёрнул два полотно,
И оно заструилось, как речка.
— Вот продам его, то-то оно, —
Заблажил полый рот человечка.

Но открылось на небе окно,
И возник будто гром возле солнца:
— Для спасенья Руси — полотно!
И сверкнуло лучами оконце.

Изумился блаженный: — Но-но...
Ить и я об ей думаю. Верно! —
И набросил на мир полотно,
И очистил Россию от скверны.

ХРИПЛОЕ ДЕРЕВО

Видел я хриплое дерево:
В нём раздавался не скрип,
Но и не шелест размеренный,
А человеческий хрип.

Дерево тёмное, бурое,
Будто в засохшей крови,
Гнулось под ветром, понурое,
Гнило вдали от любви.

В небо смотрело воронами,
Смертную тайну храня.
Тяжкими хрипами, стонами
Часто пугало меня.

Что в нём таилось и кашляло,
Билось, как сотня оков?
Тайна ли спряталась страшная
Или сомненье веков?

Я к нему душу примеривал —
Выспросить: что в нём и как?
И прохрипело мне дерево:
— Я твоя совесть, дурак!

Милая, как я беспечно
К жизни твоей припадал!
Как я любил бесконечно,
Как я тебя ожидал!

Как целовал твои грёзы,
Но, мою рифму губя,
Жало настойчивой прозы
Пьяно проникло в тебя.

И опрокинуло шумно
Всё, что я прежде любил.
Господи, как я бездумно
Прозе тебя уступил.

Холод повыветрил счастье...
С тех омрачённых времён
К женщинам стал я стучаться,
Словно сибирский Вийон.

Господи, как я поспешно
Сердце другим отдавал,
Вместо него, безутешный,
В теле зияет провал.

Господи, как быстротечно
Время в песок истекло.
Всё в этом мире не вечно
И никого не спасло.

* * *

Любовью, негой полон я,
Мужскою силой прочной.
Цветами пахнет кровь моя
И девой непорочной.

Раскрыты створки бытия
Для радости и боли.
Озоном пахнет кровь моя
И поцелуем в школе.

Летаю я во все края,
Домой тащусь усталый.
Угаром пахнет кровь моя
И женщиной бывалой.

Ах, жизнь моя, замечу я,
Ты стала жуткой шуткой.
Метаном пахнет кровь моя
И пьяной проституткой.

ДЕРЖАВЕ

Кому досталась ты, держава?
В какие влилась берега?
Кого, таясь, во тьме рожала?
Неужто — кровного врага?

С кем честь и власть свою делила?
Не помышляла об ином,
Как в дни разлада и распыла
Перевернуть себя вверх дном.

Ты обнищала и потухла.
Держава ты — или уже
Та девка, что для всех доступна
На площади и на меже.

Ведь ты жила и отражала
Неудержимого врага.
Воистину звалась Держава!
Теперь раздета донага.

В народе со своей виною
Тебе всех более не объять.
Неужто девкой площадною
Так и останешься стоять?

И всё-таки осенней ночью,
Когда в стыде очнёшься ты,
Тебе, как деве непорочной,
Я брошу поздние цветы.

ЗВЕРЬ

Этот образ откуда? — не знаю,
Но возник он, как выстрел, поверь!
Ночью дверь распахнулась входная,
Идохнул в меня холодом зверь.

Он во мне этот холод оставил,
И себя я не помню теперь.
Против воли сознание направил,
Непонятный душе моей, зверь.

Он, наверно, и вправду пронюхал,
Возле ран моих смрадом дыша,
Что во мне нет присутствия духа,
Только кровью сочится душа.

Зверь казался исчадием ада,
Он во сне меня поедом ел.
Вдруг блеснуло: убить его надо,
Пока жив я, пока ещё цел.

Я, как птица, в себе затаился,
Я забылся в себе, как змея,
Пульс холодный едва во мне бился,
И блестела во тьме чешуя.

Где он, зверь? Я в себя оглянулся
Среди острых камней бытия
И в провале ночном содрогнулся:
Вот он, сумрачный зверь — это я!

МОРСКАЯ ПЕНА

Берег моря.

Молнии, как вены,
Вьются, разрывая небеса.
Берег мира покрывает пена,
Как неисчислимые глаза.

Видит пена,

как в морском просторе
Исчезают лодки рыбаков,
И плывут утопленники в море
В пуховых подушках облаков.

Сразу все,

и все попеременно,
Смотрят пены круглые глаза.
Хлопья чаек сглатывает пена,
Вьётся пена — белая гюрза.

Быть змеёй

никто не запретит ей..
Извиваясь посреди веков,
Пена к нам выходит Афродитой,
Позабыв погибших моряков.

КОСТЬ

Облаков кругосветная гроздь
Не дарила мне песен,

однако

Просвистела мне поляя кость,
Та, которую грызла собака.

Кость свистела мотив не простой
Изнутри,

из точёного мрака,

Что сияла она красотой,
А теперь её грызла собака.

* * *

Мир кривой, как будто в зазеркалье,
Стол кривой и потолок кривой.
Клавиши кривые у рояля,
Часовые ходят по кривой.

По кривой – история стремится,
И, в усмешке вековой кривясь,
Смотрят нам вослед кривые лица,
С ними вместе окривела власть.

Вся Москва в кривой молве уснула,
Криво как-то крутится земля.
И Кривоколенный переулок
Встал на место Красного Кремля.

ЗМЕЯ

Приползла в моё сердце змея,
Приползла и забылась навеки.
Стал холодным, расчётливым я
И совсем одиноким на свете.

Так облипла меня чешуя —
Что чувствительной кожи не стало.
Приползла в мою душу змея,
Подарила мне жгучее жало.

Безобразен и холоден я
В этом мире, похожем на бойню.
В моём сердце не дремлет змея,
Чтобы мне
и тебе
было больно.

У любви обломились края,
Сердцевина — на камне жестоком.
В моём сердце ликует змея,
Как в ущелье
пустом и глубоком.

* * *

Пасмурный вечер.
Деревья.
Скамейка.

Небо, как вата,
как Серая Шейка,
Приопустилось на озеро дней...
В сердце и в небе не стало огней.

Серою мглой смещено расстояние,
Близкого космоса слышно дыханье.
Кажется, даже средь поля видны
Серые взмахи пустой тишины.

Линии чёрных тропинок.
Штрихи
Веточек, веток.
Деревьев верхи.
Пасмурный Ангел
из вечности серой
Черпает дни одинаковой мерой.

МЕШОК

Дует ветер, жгучий, беспризорный,
Русский дух стирает в порошок.
Над страну движется тлетворный,
Медленный, чудовищный мешок.

Он по крышам городов проходит,
До краёв налитый чернотой,
Он, как нечто, чего нет в природе,
Странный и заполненно-пустой.

Что в нём уместилось? Чья-то злоба?
Или мёртвый холод бытия?
Омут боли? Мира неудобя?
Или обездоленность моя?

Из какой он дали — неизвестно.
Может быть — со свалки мировой?
Что он ищет? Тризну или место,
Где затмится долей моровой.

В нём не Достоевского ли бесы
Ткут тяжёлый полог из свинца?
Или к миру прицепилась бездна,
Чтобы тьмою наполнять сердца?

СУМРАК

Ухожу, проваливаясь в сумрак,
Будто в бездну века ухожу,
Небеса, окрашенные в сурик,
В слякотную осень уношу.

Сумрак тучный, вязкий, как болото,
Чавкает прожорливой мглой.
Унести мне в прошлое охота
Тайны века под своей полой.

Унести разломы и расколы
Общества, России, бытия...
С помощью Угодника Николы
Возродить убитые края.

Чтобы сумрак, ослепивший души
Грешного народа моего,
До конца Россию не порушил,
Не затмил Отчизны торжество.

Под сырой осенней позолотой
Оживаю от душевных ран...
Из меня уходит сумрак плотный,
Как с Байкала-озера туман.

* * *

Люблю отчизну я,
но странною любовью!

М. Ю. Лермонтов

Моя любовь к России зла.
Спрошу её, кулак сжимая:
— Ведь ты великою была!
Ты мёртвая иль ты живая?

Где ширь твоя и высота?
Вниманье к детям и солдатам?
Сиянье Духа и Креста,
Твоё презренье к супостатам?

Проснись, опомнись, стань сильней,
Испей воды, хотя бы мёртвой,
Чтоб оживить останки дней,
Обрубки ног и ум нетвёрдый.

Я зрю в мерцающую глубь
Своей земли и вечной жизни.
Да, грустно жить среди халуп,
Но сладко жить в родной отчизне!

Сверкнёт, как сабля, колея,
Ледком затянутая первым.
Играет Родина моя
Смычком тоски
по русским нервам.

Но я люблю её и я
Готов пойти на амбразуру
За то, чтоб Родина моя
Себя не убивала — сдуру.

Чтоб геростраты всех мастей
Не жгли её, как Храм Господний,
И не распахивали ей,
Смеясь, вóрота преисподней.

Чтобы воспряла Русь моя
Всей жизнью, всей своею кровью...
О, как люблю отчизну я
Жестокой, нежною любовью.

«НЕТ» И «ДА»

Ты говорила «Нет!» в мерцании
Горячей страсти и зари.
В кулак сжимались отрицания,
А сердце ёкало внутри.

Я поцелуями-отмычками
Умел орудовать тогда.
«Нет!» упорхнуло с губ синичкою,
И ты мне выдохнула: «Да!»

Над страною застыну во тьме
И пойму, что она не в уме:
Мимо голоса песня звучит,
Мимо озера лодка торчит.

Мимо русла виляет река,
Мимо неба текут облака.
Мимо Родины ходит мужик
И судьбой своей не дорожит.

Ходит солнышко мимо высот,
Ходят женщины мимо красот.
Мимо слова спешит президент,
Мимо пива не ходит студент.

А Россия, как роща, пуста,
Ходит Родина мимо Креста.
Ходят граждане мимо тревог,
Чёрной тьмой зарастает порог.

Книга движется мимо ума,
Мимо хлеба текут закрома.
Мимо святости ходит народ,
Мимо жизни Россия идёт.

КАЛИНА

Я сегодня во сне с тяжких веток срываю калину,
Только ягоды в камни в руках превращаются вдруг.
Камни катятся в ночь, в неизвестную сердцу долину,
Где янтарь, и опал, и сапфиры сбиваются в круг.

Я скольжу по обрыву, туда, где камней наслоенье,
Где кварциты во тьме и расщелины сланцев горят.
Где цветёт лазурит, или это — больное сомнение
Вместе с чёрным агатом разлуки становится в ряд.

Я ищу вдоль долины плоды молодые калины,
Чтобы ягоды счастья от камня тоски оторвать,
Но в руках тяжелеют холодные слитки-рубины...
Ну зачем ты, калина, камнями надумала стать?!

Гроыхает долина, в ней копится землетрясение,
Сотрясаются камни и, кажется, — падает высь.
Ах, калина, вернись!

Ты — души занемевшей спасенье.

Я покинул долину, и свистнула даль: — Оглянись!

Я взобрался на берег недавно оставленной жизни,
Оглянувшись назад и увидел гремящий поток,
Он швырял в небеса камни злости, беды, укоризны,
А за мною калина бежала, как счастья глоток.

Я ей руку подал. За меня уцепилась калина
И, спасаясь сама, от камней мою душу спасла.
Склон дымился, как смерч.

Исчезала в потоке долина.

Я внезапно проснулся. У сердца — калина цвела...

ДОРОГА К ХРАМУ

Храм православный.
У Храма
Чёрная-чёрная ель.
А у дороги, что справа,
Виден глубокий туннель.

С боем в туннель мы входили,
Чтобы да Храма дойти,
Даже окопов нарыли —
Биться друг с другом в пути.

Шли и устои ломали
Памяти, сердца, страны.
Чьи знаменá поднимали?
С чьей приходили войны?

Всё поломать мы успели,
Каждый десятый убит...
Хоть бы дойти нам до ели,
Той, что у Храма стоит.

ПРИТЧА

Сам себе я — Ленин, Сталин,
Сам себе — незримый бой,
Тот, который неустанно
Я веду с самим собой.

Век живу, себя пытаю
То в железе, то в огне,
Но любви не покидаю
Даже в самом тяжком сне.

Ночью к стенке я поставлен,
Словно белый офицер.
Приговор читает Сталин,
Взявший душу на прицел.

Говорит, что я бесценен,
Хоть и вражеский поэт...
У него товарищ Ленин
Отбирает пистолет.

И кричит: — Поэт он крупный,
Недоступный палачам,
Мы его с Надеждой Крупской
Изучаем по ночам.

Будет он в веках прославлен,
Именит и знаменит...
— Будешь к премии
представлен! —
Это Сталин говорит!

ЛЕТНЯЯ КУХНЯ

Сдвигается даль за окошком.
Как тень, преломляется день,
Сжимается время гармошкой:
И снова я вижу плетень,

Родные луга, косогоры,
Вдоль неба бредущих коров,
И просек сырых коридоры,
И милый отеческий кров.

Весёлую летнюю кухню
И мамины скалки, ковши,
Заслонки, кастрюли, толкушки...
Отцовскую гордость — ножи.

Вот пóдовый хлеб, сковородки,
Яиц белоснежных гора.
И луковые самородки,
Добытые в грядках с утра.

Яичница, словно ромашка,
Омытая летней грозой.
Полна самогонкой рюмашка,
Как будто живую слезой.

Бруски фиолетовой свёклы,
Картошка, вилок для борща...
А мясо в бульоне наволгло
С кусками свиного хряща.

И хворост — оранжевый, бурый,
Хрустящий, манящий дымком,
Посыпанный сахарной пудрой,
Как лёгким осенним снежком.

Всё — близкое сердцу, родное:
И эта герань на окне,
И то полотенце льняное,
Прибитое краем к войне.

И мама, несущая в мисках
С налётом жирка холодец,
И взявший закуску-редиску,
Спешащий в пекарню отец.

— К обеду готов! — молвит батя,
Берёт самогонку-слезу. —
Одну, дорогая, и хватит! —
И пьёт, и — чертята в глазу.

А мама кусок выбирает
Побольше — отцу — из борща.
А солнце в жиринках играет,
И борщ мы едим сообща.

...На ходиках стрелки токуют,
Что время не катится вспять.
Я папе и маме толкую:
В грядущее мне улетать.

Туда, где деревни потухли,
В столицах — народ жестяной.

Где русскую летнюю кухню
Навек разлучили со мной.

Туда, где ползучее пекло
Спалило родные края.
Где смотрит Россия из пепла,
Из шатких основ бытия.

СВАЛКА

Тяжек, бездушен и грозен,
Птичий сгоняя базар,
Свалку ровняет бульдозер,
Будто живой динозавр.
Мусора рваные складки
Стали предгорьем Саян...
Ходят бомжи в беспорядке,
Каждый, по сути — изъян
Несовершенной Отчизны.
Каждый, как жмыха кусок —
Рыхлый, побитый, нечистый,
С гноем, что к телу присох,
Ходит вдоль свалки, гундосит,
Тащит свой грязный мешок.
Чтоб не попасть под бульдозер,
Вбок, от ножа на вершок,
Прыгает, снова елозит,
Будто пускается в пляс.
Жизнь его — свалка, бульдозер,
Смерть — лютых гусениц лязг.
Тот, как слепец, тычет палкой
Вдоль гребневидной межи,
Этот заведует свалкой:
Дань ему платят бомжи —
Кто колбасой залежалой,
Кто полусгнившим рублём...
Смрад, как змеиное жало,
Вербу сжигает и клён...

...Катят смердящую свалку
Вдоль погибающей ржи,
Будто бы с трупом каталку,
Полуживые бомжи.

* * *

— Я не смогу тебя любить! —
Сказал он деве страстной.
— Любить не можешь, а забыть,
Любовник мой прекрасный?

— Я не могу тебя забыть,
Ведь ты меня любила...
— Забыть не можешь, а убить,
Чтоб я тебя забыла?

— Я не могу тебя убить,
Так не однажды было...
И чтоб любимого забыть,
Она — его — убила!

ШТЫК

Я не знаю — как? Откуда?
Но к судьбе моей впритык
Приникает, словно чудо,
Самородный русский штык.

Он встаёт из ниоткуда
В зримом образе своём.
Словно зимняя остуда,
Светит жалом-остриём.

Современные Пилаты
И Иуды всех веков!
Это к вам идёт расплата —
Частокол живых штыков!

ДУДКА

В деревне нашей дурачок
Жил со своим укладом,
Носил кургузый стуртучок,
Подаренный солдатом.

Солдат под песенку сверчка
Служил в конторской будке
И надоумил дурачка
Из вербы делать дудки.

Пройдётся дурень по реке,
Нарубит терпких веток,
Распарит дома в кипятке —
И с веток разогретых

Сползёт упругая кора.
И дурень — в доме — сутки
Поёт и ночью, и с утра,
И сотворяет дудки.

Одна из них звенит пчелой,
Другая — соловьями,
А третья дребезжит пилой,
Все остальные — сами

Поют, танцуют: чок да чок —
В опилках и в соломе,
И с ними пляшет дурачок
В своём безумном доме.

...Прошёл и год, и два. Госка
Вселилась в дом без дела
И одолела дурака,
И всё в нём заболело.

Он дудки все переломал:
Быть дураком — не шутка.
Одну — за печкой — не достал:
Так закатилась дудка...

Потом он к вербе побежал
И сломанные дудки
Руками зябкими держал,
И, к тайным звукам чуткий,

Отдал их вербе дурачок,
И долго ветки слушал,
И лёг под вербу. И молчок.
И отдал Богу душу.

А дудка, скрытая в дому,
Метнулась из-за печки,
Окно разбила и к нему,
Как пуля, мчалась к речке.

...Когда солдат, почти слепой,
Нашёл под вербой тело,
Над ним, звеня сама собой,
Живая дудка пела!

* * *

Отстегну, словно цепи, надежды,
Потому что надежда слаба.
Мою душу она не удержит
На краю мирового столпа.

Разобьётся душа или взмлет
До Господних,
до горних высот.
Пусть поэт себя кровью умоет
И себя этой кровью спасёт.

Пусть душа к уготованной бездне
Привыкает — ей вечно летать.
Без надежды полёты отвесней —
Сразу небо и бездну видать.

В ПЕТЕРБУРГЕ

Марине Скворцовой

На сером камне у ночной воды,
Под плеск волны угрюмо-ледяной,
Я прочитал негромкие следы,
Затерянные женщиной одной.

Не помню дня, но я её нашёл
По зову сердца, по её следам.
Был Петербург огромен и тяжёл,
Но он мне эту женщину отдал.

Мы с нею, как Нева без берегов,
Клубились в тёмном доме по ночам.
Любовь и жизнь остались без оков,
Подвластные страстям, как палачам.

На небе, будто всполохи огня,
Сходились мысли неба и земли.
Но женщина со мной и без меня
Искала что-то тайное вдали.

Она исчезла посреди любви
У Эрмитажа, у дворцовых стен.
Я крикнуть ей успел: — Останови
Не кровь любви,
а крови тяжкий плен!

Она разбила зеркало Невы,
Она в осколки разнесла слова,

Как будто Маргарита пол-Москвы..
И, может быть, она была права.

...Я шёл по Эрмитажу, по судьбе,
И вдруг её увидел, как в окне,
В полотнах Ренуара и Курбе,
А может, это показалось мне...

* * *

Пламенем белым метель полыхает
По закоулкам страны и души.
Плачет душа. Чьё-то горе вздыхает.
К горю, как к морю,
на зов поспеши.

Не проходи мимо русской печали.
– Что тебе надобно? – горе спроси.
Душу свою ещё не откричали
В русской печали поэты Руси.

И я тебя в тот день простил...
Шёл снег в знакомом перелеске,
Как будто с неба занавески
Творец небесный опустил.

А на тропе шуршал настил
Из хвои, листьев, мелких веток.
Шёл снег и выйти нам из клеток
Своих обид — не допустил.

Он занавесил лес и дол,
Ослепших наших душ окошки,
И Ангел ледяные крошки,
Как звёзды, собирал в подол.

Снег или дым густел в крови,
Качались неба занавески.
Мы шли к любви сквозь перелески
И не заметили любви...

Озябший ворон даль крестил,
Снег шёл и шёл среди разлуки,
От снега цепенели руки,
Но я тебя в тот день простил.

* * *

Говорят, комета пролетала
В лакомую бездну, в никуда.
Говорят, комета оказалась
Глыбою космического льда.

Глыба льда замучила поэта,
Спать ему ночами не даёт...
Что за лёд?

Какая в том примета?
Лёд растает или оживёт?

Может, это — новая планета,
Может, наших мыслей немота.
Но летит ночами сквозь поэта
Глыба оживающего льда...

ИГЛА

Просвистела на небе игла,
Со звездой и душой наигралась,
И в стогу на закрайке села
Мировая игла затерялась.

Что её в этот стог занесло?
Кто ей дул в её чуткое ушко,
Чтоб упала она на село,
Где молчит даже ржавая вьюшка?

Стог ворочался в белом снегу,
Каркал ворон чугунно и долго.
И стонала, и выла в стогу
Занесённая с неба иголка.

Вдруг откуда-то в мёртвом селе
Заискрились пустые окошки,
Замычали коровы в тепле,
Петухи закричали и кошки.

Вон и тройка взвилась по зиме,
Пели девки в селе без умолку.
Даже старый казак в полутьме,
Словно саблю, почуял иголку.

Всё живое метнулось искать
В плотном сене иглу мировую,
Стали девки из стога таскать
То пырей, то осоку сухую.

И явилась из стога игла,
Деревенскому люду мигнула.
И разбитые судьбы села
Стали шить, и деревня уснула.

Век уставший прилёг на кровать,
Приутихли печаль, укоризна.
А игла продолжала сновать
И сшивать лоскуты русской жизни.

ТАНЦУЮЩИЕ ЗМЕИ

Я видел змей, танцующих под небом
Среди песка и тёсаных камней.
Их танец тайной для природы не был,
Он был изъясном красоты скорей.

А змеи танцевали, обнимались,
Шипели, поднимались над песком,
То распадались, то опять свивались
Живым узлом, клубящимся клубком.

Мы — матросня — тяжёлыми ломами
С лица земли срывали старый дот,
А змеи дот японский обнимали
И людям загораживали вход.

Но вот мы смертный круг образовали
Над ними, танцевавшими в кругу...
О, как мы их ломами убивали,
Крошили на пустынном берегу!

Потом купались и орали громко
У океана Тихого в горсти...
И только Мишка Яковлев из Ровно
Сказал змее растерзанной: — Прости!

* * *

Дева торкнулась в створ бытия
И как будто себе удивилась:
— Это я, а быть может, не я?
Ведь я знаю, что я — давилась.

Мой любимый заметил вчера:
«Ты, как ветка, худа, некрасива...»
И подумала я, что — пора!
Пусть он будет с другою
счастливым.

Подказала мне доля моя:
«Ты умрёшь,
но не будешь ты старой».
...Ветка торкнулась в створ бытия
Над влюблённой
счастливою парой...

* * *

Сказал он ей: «Меня не мучай!
К тебе я грозной не привык».
И сделалась змеёй гремучей
Она в их доме в тот же миг.

Ползёт она своей стезёю,
Змею он кормит, та молчит.
«Как хорошо жить со змеёю!» —
Письмо любовнице строчит.

КРАЙ СВЕТА

У Ивана пустела изба
И душа, и Россия пустела.
И свистела печная труба,
По ночам то и дело свистела.

Было дело — мечтал наш Иван
Увидать свою землю большую,
И край света,
и множество стран,
Хоть не жаловал землю чужую.

Шёл Иван или ехал куда,
Чуял сердцем — плохая примета:
Ужимались земля и вода,
Подвигались до крайнего света.

Кто-то баял, что будет в раю
Жить Иван среди вечного лета..
А труба-то свистит на краю,
Вот и прибыл Иван
на край света.

ГНЕЗДО

После Третьей войны мировой
Всё исчезло на грешной земле.
Будто язвой смело моровой
Всех, кто в городе жил и в селе.

Сколько минуло лет? Может, сто
После Третьей войны мировой.
...И кружилось на небе гнездо,
Может, в нём кто остался
живой?

ИСТУКАН

1

Раз мужик опрокинул стакан
То ли браги какой, то ли водки.
Глянул в окна — стоит истукан,
Бьёт щелчками по каменной глотке.

Мотанул головою мужик:
Ну уж нет! И рванул из стакана.
Он один напиваться привык,
Не хватало ещё истукана.

И тогда сквозь окно истукан
Протянул свою длинную руку,
И рванул самый полный стакан,
И сказал мужику, словно другу:

«Всё на свете с тобою пропьём,
Будем мерить Россию стаканом.
Хорошо напиваться вдвоём!»
Двадцать лет
пьёт мужик с истуканом.

ПУСТОМЕЛЯ

Пустомелей прозвали его,
Потому что болтал без умолку.
Заболтал и себя самого,
И деревню,
И зубы — на полку.

Пустомеля по жизни идёт,
С ним пустоты замкнули полсвета,
В поднебесье летит путолёт,
И до неба растут пустоцветы.

Пустомеля дошёл до Кремля,
Сел в Кремле,
будто лёг на постели.
Что там пустоши, что там поля!
Вот бы шуку ему, как Емеле.

Чем старше я, тем строже выбор
Красавиц, здравиц, новизны.
И, как ни странно, я не выбыл
Из песен, музыки, весны.

Чем старше я, тем больше толку
На свете — стало от меня,
Хотя враги меня, как волка,
Зафлажили в колючках дня.

Чем старше я, тем достоверней
Мысль, что спасёмся красотой.
И мне всё ближе Достоевский,
Чем Короленко и Толстой.

Чем старше я, тем гуще время
Замешивает жизнь мою.
И всё отчётливее кремний
Скрипит у бездны на краю.

* * *

Высохла травка солодка,
Сникла у старых раки.
А из небесного лона
Снежная крупка летит.

Высохла травка солодка,
Заиндевила душа.
В поле скирдуют солому...
Ворон летит не спеша.

Чёрными крыльями машет,
Будто проносит тоску,
И ничего мне не скажет,
Сев на сосновом суку.

Выставит лапу, как гребень,
И посреди пустоты
Душу мою растеребит,
Где ещё прячешься ты.

ТЬМА

Тьма кромешная настала,
Небесам зашила рот,
Будто бы не рассветало
И вовек не рассветёт.

Тьма всё глуше, всё кромешней,
Стала каменною мгла,
Да такую, что скворечник
Оторвался от ствола.

Тьмы глубокая траншея
Утопила свет берёз,
Будто камни им на шею
Кто-то каменный принёс.

Ой, темно, темно в Отчизне,
Не объять её длину,
Будто тьма всей нашей жизни
Занавесила страну.

СКАКУН

Мчал скакун по тернистой дороге,
Звёзды неба из скал высекал.
Синей тьмой покрывались отроги,
И в долину закат протекал.

Мчал скакун сумасшедший, как ветер,
В его взоре клубилась тоска,
Звал скакун из далёких столетий,
Из небесных полей — седока.

Но молчали селенья в долине,
В небесах леденела луна..
И сошлись на последней вершине
Свет заката и путь скакуна.

В НИЗОВЬЯХ ЖИЗНИ

В низовьях жизни, в непроглядной мгле
Жил нищий старец на пустой земле.
Он ел коренья, воду неба пил
И мудрость сущей вечности скопил.

Он ход светил и гадов изучил,
В глухих пещерах жизнь свою влачил,
Порой смотрел на собственную тень,
Она из ночи убегала в день.

Она манила старца за собой
Туда, где высь и воздух голубой,
Чтоб он миры иные увидал
И мудрость сущей вечности — отдал.

Шуршал песок в космических часах,
Со смертью жизнь качались на весах.
Старик иное не хотел смотреть,
И тень вернулась, чтобы умереть.

Он тень поднял и на себя надел,
Со старцем вместе воздух холодел...
...А в небесах ребёнок пролетал,
Ребёнку старец — мудрость передал.

КУМАЧ

Иннокентие Чулкину

Пал человек с изодранным плечом
На дно земли или в земной провал,
Но оказалось — это был подвал,
Заваленный забытым кумачом.

И человек во времени — пропал,
Он бинтовал плечо своё, крича,
А после долго — без просыпу — спал
На круглых, красных волнах кумача,

Во сне ему привиделась война,
Заныла болью в раненом плече.
А в это время лопнула страна,
И проступила кровь на кумаче.

В углу зажглась премудрая свеча
И подвернулась острая игла,
Сел человек в подвале у стола
И стал знамёна шить из кумача.

Он шил почти во тьме, но темноты
Как не было: был свет свечи таков.
Его кормили мыши и кроты,
И нить свивала пара пауков.

Он шил знамёна. Изошла свеча.
И притупилась острая игла.

И кончились запасы кумача.
И подкосились ножки у стола.

Знамёна вынес человек на свет,
А наверху ему сказали: — Сэр!
Вы опоздали, здесь России нет,
Тем более страны СССР...

НЕБО

Угрюмое небо.

Былинки. Кусты.

Пустынная длань бездорожья.

И стойкий бессмертник

среди пустоты.

И нет ни креста, ни остожья.

Библейское небо.

Простор. Глубина,

Где нет повседневного быта.

Небесная сфера без прочного дна

Для глаз и молитвы открыта.

Высокое небо, твоя высота

До всякой души достягает...

Зовёт высота

и она не пуста:

С бессмертьем тебя сопрягает.

Бездонное небо,

где чёрная ночь

Сознание твоё забирает,

И взять тебя в звёздные дали

не прочь,

Когда твоё сердце сгорает.

* * *

Кто знает тайну бытия?
Ни вы, ни я, никто не знает.
Дымятся космоса края,
Как рана чёрная, сквозная.

Куда, разлуками дыша,
Спешит душа в полёте кратком?
С бессмертьем встретится душа,
Но не приблизит нас к разгадкам.

НЕОТБОЛЕВШЕЕ

Свет родины, хлеба́ созревшие
Простёрлись вдоль моей души.
Осенние, остекленевшие
Молчат болота, камыши.

Берёзы голые, опавшие,
Среди сырых, пустынных дней,
Как девы, замерли над пашнями
В немой стыдливости своей.

Топчу былинки жухлых крошево,
Деревьев волглые листы.
Ищу себя, своё ли прошлое
Среди осенней немоты.

А за ручьём, за тихой рощицей,
Где я влюблялся молодым,
Ещё не выгорел, полощется
Моих печалей горький дым.

* * *

Под оловянную луну
Видны дороги белые.
Залиты тёмной тишиной
Поля заледенелые.

Снегами запечатал лес
Чашобы непролазные,
И звёзды сеются с небес,
Как семена алмазные.

Душа потянется к звезде
Среди пространства голого.
Чугунный ворон на кресте
Луны проглотит олово.

Земля и небо надо мной
Поделят вечность поровну.
Ничто не вечно под луной,
И только вечны — вороны!

* * *

Чёрно-белое стадо вдоль неба бредёт,
Собирая осеннего поля отдарки.
Чует сердце: предзимье вот-вот упадёт
Без багряной листвы
за околицей жаркой.

В ночь вопьются иголки зелёной сосны,
И кнутом, как пастух,
первый холод ударит.
Чёрно-белое стадо уйдёт до весны
Пережёвывать
сложенный в копны
гербарий.

ЛЕТУЧИЕ ВОЛКИ

Сыпь, тайга, золотые иголки,
Расстилай молодые снега.
Посмотрю, как летят твои волки
Сквозь охотника и сквозь века.

Это вовсе не волки, а птицы:
Так они распластались вдали.
Только снежный дымок серебрится,
Как в осенней степи ковыли.

Ни оскала, ни смертного воя
Не услышим – ни я, ни тайга.
Только дерево треснет кривое
Да ударит в луну кабарга.

Звёзды свалятся с неба, как с полки,
Куропатки застрянут в снегу,
И приснятся летучие волки
Мне, заснувшему в зимнем стогу.

ТОСКА

Холодный космос долгий, вечный,
Он поселился у виска,
Как седина, как полог Млечный,
В котором движется тоска.

Тоска — угрюмая комета,
Которую открыл Галлей,
Вся изо льда, как с того света,
Без обжигающих углей.

Себя в полнеба расстилая,
Летит в бездонной тишине,
Не убывающая, злая —
Тоска, назначенная мне.

* * *

Как хорошо идти по свету,
По краю звёздного пути
И славу русского поэта
Державной поступью нести.

Как хорошо служить России
И знамя чести поднимать.
Как горестно своё бессилье
В служенье этом понимать...

* * *

Какой мороз!
 Во мгле туманной
Угрюмый лес заоченел.
И свод небесный,
 бездыханный,
Как будто бубен — отзвенел.

Лазурь железная застыла,
И неподвижно в небесах
Стоит багровое светило,
Как будто воин на часах.

Мороз сжимает всё сильнее
Покров на речке ледяной.
Светило в небе костенеет
И вдруг становится Луной.

Диск затвердел,
 покрылся коркой,
Свинцовый свет на землю льёт.
И кажется, с Луны прогорклой
Вот-вот сорвётся тяжкий лёд.

БОМЖАТНИК

У кого-то — драный ватник,
У кого-то — голый пол.
Вместе их собрал бомжатник,
Как фанатов — их футбол.

Теплотрасса, подземелье,
Долгострой, полуподвал —
Всё равно — одной постелью
Стал им жизненный провал.

Здесь не видно кровожадных,
Кто с бандитами на «ты»...
Их отечество — бомжатник
У кладбищенской черты.

Греют хилого плечами,
Чтобы холод не загрыз.
В темноте хрипят ночами
И собою кормят крыс.

Кто умрёт в углу смердящем,
На поверхность извлекут,
Бедолагу кинут в ящик
И на свалку волокут.

Так и ходят, и ныряют
То на свалку, то в подвал.
То ли бездну расширяют,
То ли штопают провал.

* * *

И будет спать во тьме вода,
И глубина не всколыхнётся,
Лишь на поверхности звезда
От бывшей жизни отвернётся.

Уйдут на дно мои года,
От них бессмертье отслоится,
И попытается звезда
На тёмном небе очутиться.

Ей будет холодно!
Тогда
Она сумеет раздвоиться
И к жизни вызовет звезда
Меня, чтоб заново родиться.

ГРЕЧИХА

В родной деревне тихо-тихо,
Нигде работа не видна,
И не растёт в полях гречиха,
А ходит-бродит сатана.

Он отчебучивает лихо
Победоносный танец дна.
И разве вырастет гречиха
Там, где танцует сатана?!

ИДИОТ

Посреди всемирного заглота,
Посреди разломов и пустот,
Люди, вы встречали идиота?
Это я — тот самый идиот.

До всего рискующий домчаться,
Жаждающий в слезах или в крови
К нечестивцам властным достучаться,
Требующий правды и любви.

Рвущий своё сердце от работы,
В просьбах подставляющий плечо
Всем и вся!..

Такого идиота
Отыщите где-нибудь ещё.

Это я, идущий вдоль заплота
Вражбых слов, насмешек и кивков,
Слышу: — Вы встречали идиота?
Если нет, смотрите он каков!

Все стремятся плюнуть в идиота:
Женщины, предатели и власть.
— Получай! — шепчу себе. —
Охота
На тебя лишь только началась.

У забора — стойкий чернобыл.
Сени. Дворик.
Сельские чертоги.
Сколько помнит,
 сколько позабыл
Этот дом, стоящий у дороги.

Он опять со мною говорит,
Стелет мне постель на сеновале,
Где звезда полночная горит...
И — гнилушка светится в подвале.

Где я с мамой по тропе иду,
В сумерках сквозь тёмные поляны,
Где луну ведёт на поводу
Или лошадь — конюх полупьяный.

Двор наш — через поле — прямиком,
Вот он
 уже к сердцу потянулся,
Пахнет огородом, молоком...
Вздвогнул я... и через век
 проснулся.

...Ни кола на свете, ни двора,
Ни деревни нет уже, ни мамы...
Только в небе — чёрная дыра
И в полях —
 заросших пашен шрамы.

РУССКИЙ ВОЛК

Кривляется власть и торчит в телевизоре долго,
Пытается власть — воровские законы блюсти.
Я чую чутьём недобитого русского волка:
Нам надо себя в разорённой России спасти.

Сегодня страны как великой державы не стало...
Но мы-то — народ?! Или мы никакой не народ?
Поднимем на бой,
как тогда, в сорок первом, заставы,
Чтоб Русь удержать, совершая крутой поворот.

Мы молча глядим, как жиреет несносное племя
Воров и бандюг, олигархов и крыс из Кремля.
Давайте засеём любви благородное семя
И вновь возродим опустевшие наши поля.

Мы долго готовимся, целимся мрачно и долго
В кривые ухмылки и в чёрную пагубу дней.
Не надо травить благородного русского волка,
Затравленный, он станет яростней,
злей и страшней.

Сегодня долгий, беспросветный день
Крошил снежок из облачного sklepa.
И постепенно вынимала тень
Любую малость светлую из неба.

Нет, не убрать тревоги из меня
И не исторгнуть ни вытья, ни крика.
Скончалось небо на исходе дня,
И день из ночи не поднимет лика.

И ты не удостоила меня
Сердечным взглядом, ветреной улыбкой.
Я тоже рухнул на исходе дня
Между тобой и золотую рыбкой.

А если так, то что было вчера?
Мы в жизнь спешили по январской стыни,
Нам показалось — с самого утра
Сошла на землю вечная пустыня.

И вот она уже разбила день
И ввергла нас в воронку расставанья.
Нас пожирала медленная тень...
Спасём ли мы земное бытованье?

Спасёмся ли, отнимем ли опять
Себя у ночи и у безобразья —
Молчать внутри себя и погибать
На тёмных берегах однообразья?

КРЫМ

В небе чёрных дыр всё больше,
Всё плотнее пустота.
Вон в дыре исчезла Польша...
Жаль, хоть Польша и не та.
В чёрных дырах, словно тина,
Мрак — и днём, и поутру.
Но за Польшей — Украина
Так и ломится в дыру!

*В. Скиф. «Чёрные дыры»,
2005 г.*

Светозарно и престранно
В нашу жизнь явился Крым,
Укрепился Русским Станом
И развеял горький дым

Безучастности, сиротства,
Серых буден, смертных дел...
В Русском Доме благородство
Вместе с братством углядел.

Избежал в разломах века
Навсегда — на все года —
Страшной мести «правосеков»
Из фашистского гнезда.

Избежал кровавой бойни,
Неоправданных смертей...
Жить в России вам спокойней
И спасать своих детей.

...Украина стала бездной.
Русский дух необорим.
В тёмной бездне не исчезнет
Светоносный Русский Крым!

* * *

Елизавете Оводневой

Вспоминаю детство без усилья,
Старый пруд, весенний краснотал.
Мне ночами снятся мои крылья,
На которых — в детстве я летал.

Это было далеко-далёко:
Я из детства в юность убегал.
Раздавался ястребиный клёкот,
Я свой меч из рук не выпускал.

Это было давнее начало...
Я бежал сквозь плотный чернобыл.
И вослед мне бабушка кричала:
— Ангел мой, ты крылья позабыл...

ЗЕМЛЯ НИКОЛАЯ РУБЦОВА

Небеса тяжелеют свинцово,
Леденеет непрочная даль.
И земля Николая Рубцова
Расстиляет в болотах печаль.

Глухо ропшут кусты бересклета,
И стенают леса и цветы,
Окликают земного поэта,
Но леса и болота пусты.

С неба льётся река дождевая...
Нет Рубцова. Не скачет верхом.
Он по небу идёт, окликавая
Свою землю сердечным стихом.

СТАНИСЛАВУ КИТАЙСКОМУ

1. В Захале

Помню посёлок Захал,
Где золотые осины,
Будто сияющий вал,
Пересекали Россию.

Там твоя мама жила
И у поникшего тына
Долгими днями ждала
Неисправимого сына.

Он приезжал погостить,
Выкопать в поле картошку.
Мама умела простить
И покрестить на дорожку.

Он ей ленился писать,
Ждал того самого мига,
Чтобы приехать, сказать:
— Вот моя первая книга!

...Долго смотрела в неё
И шевелила губами:
— Славочка, это твоё?
Что ж теперь будет-то с нами?

2. Во ржи

С природою не важничай,
А, влажностью дыша,
Лежи во ржи и бражничай,
Вальяжная душа.

Сжимая пассатижики
Упругие свои,
Ползут по телу рыжие,
Смешные муравьи.

О, мудрость землепашества!
О, смесь травы и сна.
Сегодня мне покажется:
Исчезла тишина.

Средь поля окрыляются
И мысли, и слова,
В душе определяются,
Неясные сперва.

А зной восходит заревом,
Качаются ЗИСы...
Зерно не разбазаривай,
Въезжая на весы.

С природою не важничай,
Войди в лесную сень,
Прими душой отважною
Земли нелёгкий день.

ПУСТЫРЬ

За городом вырос
пустынный квартал...

Александр Блок

Беспутный день. Пустырь за кранами
Завален битым кирпичом.
Опять я пью с бомжами дранными,
И мне всё это нипочём.

Здесь свалка до пределов сдвинута
От стройки в бездну пустоты,
Сидят бомжи, из жизни вынуты,
Как ядовитые цветы.

Со свалки — здесь — треска солёная
Вонючим дыбится куском,
И водка дикая, палёная,
И едкий лук, и хлеба ком.

Сидят бомжи — в пустырь отброшены
От жизни, родины, Москвы..
Они едят из миски крошево —
Из хлеба, соли и ботвы.

Вон незнакомка — дева пришлая,
Уселась на бетонный блок..
Смотрю в неё: а как же вышло так,
Что с нею не встречался Блок?

Она, быть может, и не пьяница,
Одета вроде по уму,
Бомжу и мне, поэту, — глянется,
Но видно: стерва — по всему.

Глаза уже тоской ограблены
И грудь не стоит оголять...
Она мне говорит расслабленно:
«Я — незнакомка, но я — б...!»

...Пустырь. Кругом земля унылая.
Не манит сучка кобеля...
И рядом женщина постылая,
Как будто стылая земля.

На свалке холодно и голодно,
И нет удачи, нет души,
В одеждах рваных — полуголые —
Здесь пьют российские бомжи.

...В России мы не стали первыми,
Ни свалка, ни народ, ни я...
Нам быть бомжами, жить со стервами,
Ведь мы — единая семья.

ЛИПОВАЯ АЛЛЕЯ

Аркадию Елфимову

Уже закат над Иртышом алеет,
Трубящий Ангел с волею в крыле
Помог сойтись нам в липовой аллее
И поклониться небу и земле.

Нам было что́ сказать тогда друг другу
О Родине, о верности друзей.
И обозреть Россию и округу
Со всею болью и любовью всей.

Нам слышалось движение Тобольска,
Его дыханье в гомоне миров
И Ермака струящееся войско
В ворота Бога, в поднебесный кров.

Чувашский мыс кренился где-то рядом,
И слышались пиццалей голоса.
И хан Кучум,
 нас проводивший взглядом,
Рассёк кривою саблей небеса.

Мы наяву увидели, как в небе
К Ершову мчался резвый Горбунок.
И Ремезов Семён по Божьей требе
Ожить Кремлю Тобольскому помог.

Вон Менделеев в материнской ласке
Вперёд науку двинул не спеша.

И Суриков Василий вынул краски
И сел на диком бреге Иртыша.

Над нами вознеслись и не потухли
Летящих мирозданий миражи.
Нам Кюхельбекер, досточтимый Кюхля,
Отдал частичку собственной души.

Всё подчинялось трепету и ладу,
Стремилось жить в добре, а не во зле.
А где-то хлопал выстрел, канонада
Катилась по истерзанной земле.

Мир становился яростней и злее,
Всем правил некий сатана-факир.
А здесь, в нетленной липовой аллее,
Произрастали тишина и мир.

Мы видели, мы ощущали зримо
Свою вину, хотя и нет вины.
И говорил под звёздами Елфимов:
— Родными быть на свете мы должны!

Нам надо жить, как предки, не жалея
Самих себя, изнашивать до дыр.
Быть светом русской липовой аллеи,
Чтобы однажды переделать мир!

И снова шёл с сердечной речью
К своим надёжным землякам,
К озёрам русским, ясным речкам,
Таёжным далям и лугам.

Ему внимают грады, сёла,
Родная церковь, тёмный лес.
...Звучит его бессмертный голос,
Как голос совести, с небес.

18 марта 2015 г.

2

Неумолчный звон в ушах...
Всё житейское отпало.
Чья уставшая душа
Над ночным Иркутском встала?

Чья горячая печаль
В Ангару слетает с неба
И спешит в немую даль
Среди мартовского снега?

Горько мучаясь, дыша,
Не иссякнет жизни драма.
Не уйдёт никак душа
Из ворот святого храма...

Ей бы выплакаться всласть
Возле дочери с женою.

И к могилам двум припасть
С той – последнею – виною...

Ей бы прошлое вернуть
С верой, верностью земною
И – прощённою – уснуть
Подле дочери с женою.

20 марта 2015 г.

СРЕДИ ЛИП

1

Я прожитых дней не забыл, не прибавил,
Где ночью сырой средь лепечущих лип
В любовном чаду своё сердце оставил,
И мне показалось: я вправду погиб.

А ты среди листьев, смеясь и балуя,
То жадно играла, то нежно лгала,
И жарким огнём своего поцелуя
Меня опалила и небо зажгла.

Сияли жуки, светлячки и улитки,
Земля озарилась, как будто бы днём.
И долго во тьме лепетавшие липы
Сгорали со мною — последним огнём.

2

Не истончится лист, судьба не откачнётся,
Когда среди веков я вдруг тебя найду.
И тот — минувший — век из-за тебя начнётся,
Я к липе вековой неслышно подойду.

Ведь это Пушкин здесь с прелестницею славной
С восторгом пировал под липою густой.
И небожитель Фет преображался фавном,
Окрестность огласив: — Любимая, постой!

Степенный, смуглый Блок из прошлого являлся,
И томно, и легко, как Ангелы с небес.
Под липою сидел, с тобою целовался,
А может, уносил тебя в небесный лес.

Терзался Пастернак и ночью шёл под липы
С любимую своей прощаться навсегда.
В аллее золотой ветвей тяжёлых скрипы
Звучали, как небес осенняя гряда.

И лишь Есенин пел и глубоко, и звонко:
— Ой, липа ты моя, зелёный мой прибой!
И рядом ты была — красавица-девчонка...
Ах, это ты была! И рядом я — с тобой...

3

Мир многомерный отражается
В прозрачном небе, как в трюмо.
К моей душе летит, снижается
Очарование само.

А я и вправду — очарованный
Тобой уже который год —
Твой поцелуй, тобой дарованный,
Несу, спасаясь от невзгод.

Ступеньки лет — живая лестница,
По ним, не замедляя бег,
Ко мне от Пушкина прелестница
Перебежала через век.

* * *

Полей осенних стылое пространство,
Дождями перечёркнутая даль.
Ленивое природы постоянство,
Невиданная серая печаль.

Всё это осень или безучастность
Твоя — ко мне — среди пустых полей.
Здесь ты была. Но это уже частность.
Здесь ты прошла — не стало мне теплей.

С небес упала тень или перчатка,
Захотала ночь или сова.
Была любовь и умерла в зачатке,
Как в горле нерождённые слова.

С ЧЕХОВЫМ

Опять по небу длинно-длинно
Плывут живые облака.
– Откуда вы?
– Из Сахалина! –
Как будто выпали слова.

Неужто с острова? Оттуда,
Где шёл я с Чеховым в туман
И сполохом большого чуда
В меня вливался океан.

Он – то разнузданный, то
льстивый,
Щенком ложился подле ног.
А Чехов, тихий, не спесивый,
Мне говорил: «Суров восток,

Порой жесток. Тут не до смеха.
Я с ним пытаюсь говорить...»
И замолкал смиренный Чехов,
Забывший спорить и острить.

Мы с ним по берегу бродили,
Где в синеве закат дрожал..
Как будто в норы заходили,
В землянки хмурых каторжан.

Он знал их многих. Перепиской
Он занимался много дней,

Лечил, расспрашивал о близких
И становился им родней,

Чем те, кто дома ожидали,
Или не ждали: время — дым...
Но видел Бог — они страдали,
И Чехова направил к ним.

В БОЮ

Я каждый день живу в бою,
В атаке неприкрытой.
Я вижу Родину мою
Развенчанной, убитой.

И я с утра вступаю в бой
Со злом и фарисейством,
С чиновной сворою тупой,
С холуйством и плебейством.

Порою, загнанный, как зверь,
Смотрю в окно слепое
И задыхаюсь от потерь
Проигранного боя.

А рядом тысячи врагов
Идут за мной по следу,
Готовят лёд глухих оков
И празднуют победу.

Не спят мои леса, поля,
Свод неба нависает.
Меня родимая земля
Находит и спасает.

Стою, к Байкалу прислонясь,
И посреди планеты
С ним чую родственную связь
Повстанца и поэта.

Я на победное крыльцо
Взлетаю легкокрыло
И в бой иду. Своё кольцо
Не зря ты подарила.

СНЕГОПАД

Был свет на улице потушен...
Вдруг с неба рухнул снегопад.
Ах, нет! С небес летели души
Убитых на войне солдат.

Я думал, что летят снежинки,
Минуя Лондон, Амстердам,
А это души, как пушинки,
Летели к русским городам.

Летели души и искрились,
Дымились рощи и поля.
Их было столько, что покрылась
Летучим саваном земля.

Я видел — это были жизни
Солдат, погибших на войне.
И дрожь прошла по всей Отчизне
И болью вскрикнула во мне.

ВОСЬМИТОМНИК БЛОКА

Неужто я — предатель Блока?
Я путь свой к Блоку начертал,
С ним был и жил. Я видел Бога!
Но как-то бедствовал жестоко,
Чуть было Блока не продал.

Его могучий восьмитомник
Уже в коробку отгрузил,
Уже отправил на подъёмник,
Но Блок — учитель мой и скромник —
Мне из коробки погрозил.

Нет, не грозил! Но я увидел,
Как он плечами вдруг поник.
Неужто Блока я обидел?
И я — себя возненавидел
И — неуклюжий грузовик.

Прости меня, великий гений!
Я, как летучую звезду,
Без колебаний и сомнений
Твоё собранье сочинений
Догнал и сдёрнул на ходу.

Мой восьмитомник, обещаю
Хранить, как тайну, твой огонь,
Где Незнакомка очищает,
И мне грехи мои прощает
Христа пробитая ладонь.

* * *

Я город оставил железный,
Ушёл от людской суеты
В молчанье осеннего леса,
Где бродят по лесу цветы.

Вдоль тропок надёжно и просто
Прозрачные встали кусты.
И смотрят мне в душу с погоста,
Как люди живые, — кресты.

* * *

Не упасть бы, не разбиться
Посреди разломов дня.
Расхитители, убийцы
Тайно смотрят на меня.

Им неведомо, наверно,
Что испытан я собой,
И надеждою безмерной,
И бессмертною судьбой.

Что ведёт меня прямая
Сквозь разломы бытия.
...Я-то знаю, понимаю:
Для врагов — загадка я.

* * *

Я – русского мира поборник,
Пришедший к нему на века.
Я – стражник, радетьель и дворник
Живого его языка.

Я равным той силе не буду,
Что тайной гудит в языке,
Но рад я великому чуду,
Что светит в библейской строке.

ТАТЬЯНА ПЕТРОВА

Не смею Господнего слова
Коснуться, но вечных красот
Коснётся Татьяна Петрова
И тайных достигнет высот.

Ей ведома сила полёта
Романса, его глубины,
Тоски и душевного гнёта,
И вещи сердечной струны.

Она — изваянье оплота,
Надежда простой гольтьбы
И свет, что идёт от киота
До сердца народной судьбы.

* * *

По вечерам над ресторанами
Горячий воздух дик и глух...

Александр Блок

Общаюсь с личностями странными,
Которые во мгле кричат:
«По вечерам над ресторанами...»
И пьют дремуче, и молчат.

Я с ними пью с особым рвением,
Я с ними плачу и пою,
И с дружелюбным откровением
Сплошную гадость снова пью.

Цитирую словами бранными
Уже не Блока, а себя:
«Опять я пью с бомжами драными...»,
Слезами полночь ослепя.

И мне всё горше пьётся, плачется
Моя душа, как решето.
В неё никто уже не спрячется,
И не останется никто.

Никто в душе не обозначится —
Ни ты, мой друг, ни ты, мой враг.
Над ресторанами, где плачется,
Я упаду в глухой овраг.

Обласкан женщинами, славой,
Стою на звёздном рубеже.
Прости меня, о, Боже правый!
Я приберусь в своей душе.

Я отниму себя у славы,
Скажу, мол, хватит, погулял.
Путь славы — это путь канавы,
И русский классик это знал.

У славы ушки на макушке,
Она затмит Господний свет.
Прости меня, горячий Пушкин,
Простите, Лермонтов и Фет.

Простите, женщины! Я с вами
В леса дремучие забрёл.
Но вы-то знаете и сами:
Несу в когтях вас, как орёл...

И пусть метёт в лесу пороша,
Клокочет пыл в моей крови.
Я ни одну из вас не брошу
В болото мрачной нелюбви.

САПФО

Я небо выронил из рук своих.

Сквозная

Меня пронзила боль. Немыслимая боль.

Мне встретилась судьба,

русалка ли — не знаю,

Какая для меня ей выпадала роль?

Русалка ли, Сапфо, с того явилась света,

Иль с этого, стихи и люди впали в шок.

Но юная Сапфо сожгла собой поэта,

Оставив на губах и сладость, и ожог.

Каким я буду жив присловьем, наговором?

Что смею я в любви и в близости сказать?

Какою же меня любовью-приговором,

Русалка и Сапфо, ты будешь истязать?

Метёт метель, и птица-тройка
Летит по Родине моей.
Опять луна, опять попойка,
Ямщик меняет лошадей.

И мы летим по дальним, белым,
В сугробах спрятанным лугам,
По рощам звонким, индевелым,
И цепенеющим снегам.

Вдали кабак мерцает сладко,
Мороз ударил или свет.
— Ямщик, скажи мне для порядка,
Попойка будет или нет?

— Пойдёмте, барин, разберётесь, —
Он говорит, сквозь ночь дыша, —
А если снова вдруг напьётесь,
То будем ехать не спеша.

Мы обустроились, согрелись
Среди свечей, лампад, острот.
Ах, Боже мой! Какая прелесть!
Красотка водку подаёт

И глухаря, и пива кружки...
Как эту прелесть не любить!
И я подумал, что я — Пушкин.
Как славно — Пушкиным побыть.

Моя не просыхает глотка,
Я пью, я рею в облаках.
...А утром юная красotka
Проснулась у меня в руках.

ИМПРОВИЗАЦИЯ

Меня умоляли тромбон и гитара
Найти ту мелодию, что из глуши
Взлетит, как влюблённому сердцу подарок,
Как песня таинственной русской души.

Меня призывала красавица-флейта
Найти ту распевку, тот искренний тон,
Где музыка пальцев напомнит мне чей-то
Беспамятный голос, а может быть, стон.

Меня призывала волшебная арфа
В тиши из неё трепетанье извлечь.
Как гибкая дева по имени Марфа,
Она не сдержала летучую речь.

Над смыслом и вымыслом плавы виденья,
И я отзывался в скрипичном ключе,
Когда обнажалась душа песнопенья
И скрипка рыдала на верном плече.

ПОДРАНОК

Мир загустел от перебранок,
От мерзкой лжи и липких слов.
Иду, судьбы своей подранок,
Сквозь сотни жизненных узлов.

На сердце зажимаю раны,
Да так, что леденеет кровь.
Пытаюсь, с детских лет подранок,
Из плена выручить любовь.

Иду, тоской себя калеча,
И понимаю: так и есть,
На свете никому не легче,
Кто защищает совесть, честь.

Встаю на битву рано-рано,
Вооружаюсь до зубов
Великим Словом. Я – подранок,
Но в битве выстоять готов.

МАНОК ЛЮБВИ

Манок любви так страстно и так жутко
Звучит во мне.

Зови меня, зови,
Манок любви, как селезня, как утку,
На плаху дня — под выстрелы любви.

Мани к себе, чтоб я крыла раскинул,
Упал в объятия, задохнулся вновь,
Себя из боли, из неволи вынул,
Познал невероятную любовь.

Манок любви звучит, как песня счастья,
Как пламень, полыхающий в крови,
Во имя жизни и во имя страсти
Слепой, всепобеждающей любви.

ЯСТРЕБ

Раздался в небе клёкот ястребиный,
Перечеркнул небесный окоём,
И ястреб, словно роковой убийца,
Вдруг вырвал сердце бедное моё.

Схватил, понёс над чёрными полями,
Над пылью трактов, пеной городов.
Из сердца — в небе — исходило пламя.
Я умереть, казалось, был готов.

Но вдруг с земли
 раздался верный выстрел..
Я знал, я чуял, что стреляла ты,
И пуля небо рассекла со свистом,
И ястреб рухнул с белой высоты.

Я жизнь терял, я умирал как будто
Среди железных вышек и людей,
Жизнь сорвала, как паутину, путы
И сердце мне вернула из когтей.

РЖАВЧИНА

Она величава, она из металла,
Покрытого рыжим налётом, как кровь,
Но с кровью соперничать ей не пристало,
Ей — ржавчине — горы металла готовы.

И ржавчина жадно железо глотала
Своим кровожадным, жирующим ртом,
Железные жилы державы хватала
И ела державу, блевала потом.

Она не звенела, она не дрожала,
Она не умела любить и рожать.
Топорщила жабры, в болота бежала,
Чтоб плуг заржавевший в объятых зажать.

В её безудержной, ликующей глотке
Века пропадали с десятком нулей.
Она разъедала мосты и подлодки,
И жизнь утонувших давно кораблей.

Ей — ржавчине — горя народного мало,
Она — несусветная, ржавая власть,
Она поезда и заводы сжирала,
Чтоб нам в эту ржавчину лечь и пропасть.

Но вот она цепи объятий разжала,
Мир хрупнул костями, обуглилась мгла.
И нашей железной державы не стало,
По космосу ржавая жижа текла.

Как шатки мостки, как лесные поляны
Меня окружают, в свой полдень зовут.
В деревне рыдают и воют полканы,
Простите, полканы! Здесь мир и уют.

И лёса живые, могучие складки
Меня принимают, мол, опытный, свой.
Мостки над рекою знакомы и шатки,
И кедры шумят над моей головой.

Я весь на виду у родимых пригорков,
У тёмного калтуса, нежных болот,
Осиною пахнет тепло и прогоркло,
И сбиться с пути мне тайга не даёт.

Закат предо мною от жара сторает,
Трепещет рябина и плачет желна.
Здесь родина светит и не умирает,
Любовью и трепетом жизни полна.

* * *

Катится жизнь моя по переулкам
Доли моей, моей странной судьбы.
Катится время то тихо, то гулко,
Мимо проносятся тучи, гробы,

Женщины-омуты, тёмные годы,
Нежные связи, пустые дома,
Остовы леса, небесные своды...
Катится в омут Россия сама.

Я цепенею под свисты и гулы
Вёсен летящих, немеющих зим,
Боли народа. Светло мои скулы
Станным предвестьем
ночных Хиросим.

ВДОХНОВЕНЬЕ

Оно явилось, распростёрло
Свои крыла — издалека,
Перехватив от счастья горло,
Мир поднимая в облака.

Оно несло мне вольнодумство,
Глубин достигло и высот.
Оно свалилось, как безумство,
Как полдень, рухнувший в осот.

В нём были сила и движенье,
И лёгкость чудной высоты,
И бездна слёз, и утешенье,
И рядом — ты и только ты!

МАСТЕР И МАРГАРИТА

В чём тайна мастерства сокрыта?
И кто он — Мастер и Поэт —
Создавший образ знаменитый,
Несущий невозвратный свет

Над человечеством, над Летой,
Себя вписавший в торжество
Высокой мысли, песни спетой,
И воссоздавший волшебство

Поэмы, двигателя, роли,
Небесных крыльев, полотна,
Кто создавал свой мир из боли,
Из соли пота, крови сна.

Изобретатель, светожитель,
Творящий чудо на земле,
Принявший землю, как обитель,
Мечтавший с детства о крыле,

О некоем вздроге, о решенье
Переиначить этот мир,
Идущий с тайной на сближенье,
Любимой женщины — кумир.

Что, Мастер, помнишь ты о прошлом?
Что видишь в будущем своём?
Что дал ты эпигонам дошлым?
Дремучей зависти объём

Иль восхитительное рвенье
Продолжить Мастера полёт...
Твоё, о Мастер, излученье
Над веком радугой встаёт!

Ты — века дерзкого наставник,
Ты соучастник бытия...
Вдруг кто-то в доме стукнул ставней,
Вздохнула Муза: — Это я...

— В чём тайна мастерства сокрыта?
Ведь ты сказала — Мастер я...
Коль Мастер — я, ты — Маргарита,
Ты — Муза вещая моя.

* * *

Узнаю тебя, жизнь, принимаю
И приветствую звоном щита...

Александр Блок

И снова галки и вороны
Слетаются, гадают о том,
Что я лежу в траве зелёной
С пробитым сердцем и щитом.

Мой щит пробит, пробито сердце,
И я лежу среди равнин.
О, где мои единовёрцы?
На поле битвы я один.

А поле древнее разрыто
Стремниной вражеских копыт,
И войско русское разбито,
И даже лунный диск убит.

Как грают галки и вороны!
Волками стелются точь-в-точь.
Россия, твоего урона
В седой степи не превозмочь.

Неужто нет уже спасенья,
Моя земля, моя страна?
В Господний праздник Вознесенья,
Земля, ты будешь спасена!

Вдохнула жизнь и наклонилась
Над бедной Русью, надо мной,
И сердце новое забилось
Во мне под новою луной.

Сыплет черёмуха палевым цветом,
Сыплется каждый её лепесток.
Если бы не был я нежным поэтом,
Я бы тоски и любви не исторг

К небу и полю, к дремучему лесу,
Что истязает подлец-человек.
Палит тайгу, превращается в беса,
Жжёт свои лёгкие, губит свой век.

Плачет земля и кровавит рябиною
Стёжки-дорожки, дымится тайга...
Родина милая, неистребимая,
Не умирай под напором врага.

Суть человечества падшего странная,
К смерти оно совершило бросок...
Не уходи, моя роща желанная,
В тёмную небыль и в мёртвый песок.

Я жил невозмутимо, безмятежно,
И вдруг в тиши, у года на краю,
Среди зимы безветренной и снежной
Ты ласточкой влетела в жизнь мою.

Ты оказалась школьницей прилежной,
Но стала мне для сердца — западня...
Любимая, так пристально, так нежно
Лишь только ты смотрела на меня.

В тебе светилось ощущение доли
Быть избранной, единственной, моей.
И ты была готова к этой роли,
И ты уже служила только ей.

Ты говорила, что я — твой Хозяин,
Что горько пребывать одной во мгле.
Ты верила, что ты сдаёшь экзамен:
Возлюбленной остаться на земле,

Которая — не канет в неизвестность
И никогда в любви не предаёт.
Была ты самой юной из прелестниц,
Кто с дикой страстью губы подаёт.

БЕЛАЯ ВОРОНА

Е. О.

Издалека она летела,
Дрожали белые крыла,
Несла своё воронье дело,
Да так, что каркать не могла.

Скажи, ворона, ты стремилась
Меня найти, меня узнать.
Какую оказать мне милость?
Клевать летела иль спасать?

Останови воронье дело,
Свой странный лёт останови.
Что ты сказала? Ты хотела
Признаться мне в своей любви?

Да, это странно. Очень странно.
Ворона, ты в своём уме?
Ты нанесла такую рану
Моей тоске, моей зиме.

Я до сих пор сижу, гадаю:
Как много на земле ворон,
Но лишь одна не улетает,
Кричит: — Люблю!

И я влюблён...

Прости, ворона! Я не трону
Твои разбитые крыла,
Но встречу белую ворону,
Что мне дыханье принесла.

Ах, Боже мой! Исчезло лето.
Я просыпаюсь в темноте.
Ищу застывшие предметы,
Шепчу себе: — Не то, не те,

С которыми так просто было
Творить и приникать к листу,
Их что-то ночью изменило,
Они впитали темноту.

Тьма съела дом, калитку, рощу,
А в доме — книги и цветы.
Пытаюсь их найти на ощупь,
Извлечь из плотной темноты.

Но мне предметы не даются:
Ни карандаш, ни плоть листа.
Никак стихи не удаются,
Их поглотила темнота.

* * *

Позёмка белая метёт,
Вокруг меня петлёю вьётся,
И поле жизни остаётся
Не пройденным сквозь этот гнёт.

Позёмка воет и гудит,
И синим пламенем играет,
А в поле жизни — тварь сидит,
Слова и чувства пожирает.

Уж столько на моём пути
Врагов, лгунов и тварей было!
Прожить — не поле перейти,
Но эта жизнь меня любила.

И я любил, я страстно жил,
Пришитый к женскому сословью.
Бывало, что не дорожил
Твоей тоской, твоей любовью.

— Прости! — вздыхал я глубоко...
Ты плакала, смеялась звонко.
...И заметала широко
Мой крестный путь змея-позёмка.

* * *

Красивая и яркая, как звёзды,
Среди людских потоков, городов —
Ты пробежала мимо.

Было поздно,
Но я тебя увидеть был готов.

Я ждал, когда стремительное чудо
Замедлит шаг, замедлит свой полёт.
Смотрел и ждал,

надеялся, покуда
Не разобьётся сердце — мой пилот.

* * *

Журавли поплыли в просини
Над осеннею рекой.
Что мне делать с этой осенью,
С этой жадною тоской?

С жизнью, в крошево порубленной
Мной самим среди потерь.
И с тобою, мной погубленной,
Что же делать мне теперь?

Тучи тёмные стараются
Над землёй слезами стать.
Мои годы собираются
Журавлями улетать.

Вот и сны меня забросили...
Не хочу я в поздний час
Остаться в этой осени
Без твоих бездонных глаз.

ДОСТОЕВСКИЙ НА КАТОРГЕ

...я там себя понял, голубчик... Христа понял... русского человека понял и почувствовал, что и я сам русский, что я один из русского народа. Все мои самые лучшие мысли приходили тогда в голову, теперь они только возвращаются, да и то не так ясно.

Фёдор Михайлович Достоевский
(из письма Владимиру Соловьёву)

Тобольска гул. Пропал из виду Невский.
Позёмка выла посреди времён.
Из Петербурга прибыл Достоевский,
Вернее, был в застенки привезён.

Тобольск и Омск. Четыре долгих года
Он в тюрьмах вопрошает сам себя:
Что есть душа? Чем стала несвобода
В его судьбе? Как выживать, скорбя?

Он будет жить суровой снежной далью,
Евангелием тёплым и родным,
Подаренным Фонвизиной Натальей...
Здесь Достоевский вызревал иным:

Не псом побитым вовсе, не страдальцем,
Невзгоды собирающим в клубок.
Он пребывал Господним постояльцем,
К нему на нарах прикасался Бог.

А каторжане — воры и убийцы,
Непостижимый подневольный сброд —
Не толстосумы и не кровопийцы,
А кровный, русский, страждущий народ.

Да, каторга ломала самых дерзких,
Тюрьма — страшнее язвы моровой.
Но здесь, в тюрьме, родился Достоевский —
Великий гений мысли мировой.

ВИКТОР АСТАФЬЕВ

Всё ещё впереди! Как не вспомнить Белова,
Цепким взором смотрящего в тёмную даль.
И Астафьева, длившего радугу слова,
И Рубцова, дарившего миру печаль.

...Мы не знали, что будет сегодня и завтра.
Перестройка громила Советский Союз.
Это понял Белов! Это видел Астафьев,
Но оставил сомненья последнего груз,

Где тревожны желанья, печали разлиты,
Где в астафьевском слове иной разворот:
Воевавшие — прокляты или убиты,
Виноват перед Богом весь русский народ.

У народной души столько скорби и вмятин,
Не воспрянет душа, как в крови батальон.
Столько чёрных нашли мы у русского пятен —
Никогда от вины не оправится он.

Что ещё нам сказал на прощанье Астафьев?
Что ему посветило в последние дни?
Он ушёл одинок! Ни Белова, представьте,
Ни Распутина рядом. Ушли и они...

Был Астафьев не прост. Уходил, как на дыбу.
Стяги славы своей по земле разметал.
Но мы помним его «Звездопад» и «Царь-рыбу»,
Матерок-говорок и во взгляде металл.

...Тектонический взрыв русской доли и боли —
Раскатился по склонам любви и потерь.
Всё мы помним, и все — наши сыграны роли.
Где мы? Кто мы на свете? — не знаем теперь.

Русской прозы воздвигнута Красная книга,
Где Астафьев — одно из гремучих имён.
Тектонический сдвиг. Среди этого сдвига
Мы отвесим ему свой Последний Поклон!

ПАРАД ПЛАНЕТ

Твой шаг ко мне — и радость, и вниманье,
Где я как будто святорусский князь.
Твой шаг ко мне — земное бытованье
И некая космическая связь.

Я различаю многоцветный голос,
Где ласточки живут среди высот.
В веках небесная раскрылась полость,
Ты выпала из неземных красот.

В огне моё расплавилось сомненье,
Исчезла неизбежность бытия.
И понял я: есть высшее стремленье
Создать тебя, и это был бы — «Я».

Я — это ты. Так выпало на картах.
И звёзды не воздвигли слово «НЕТ».
И выстрел был. Ты сорвалась со старта.
И в небе начался Парад Планет!

БОЛЬ

Ты где-то реяла в ночи,
В глубинах рая или ада
И мне кричала: — Не молчи!
А я молчал и в бездну падал.

Твердела ночь и жизни соль,
Во мне звенел твой дерзкий голос.
Я ощущал такую боль,
Как будто сердце раскололось.

Казалось, что не унести
Мне тяжкой боли.
Жизнь пропала.
И вдруг откуда-то «Прости!»
Сверкнуло и у ног упало.

Я еле двигался в ночи,
Боль из души не уходила.
Ты мне шептала: — Не молчи!
Ведь я тебя всегда любила.

Заря разлилась из горсти
Живых небес. Ушла тревога.
Услышал я твоё «Прости...»
И счастье вымолил у Бога.

* * *

Ты мне нужней день ото дня:
В земной тиши, в живом полёте.
Ты вырастала из меня,
Из сердца нежного, из плоти.

Ты выбегала, как ручей,
Навстречу мне весной гремучей.
...Среди летучих дней, ночей
Нас обуял безумный случай.

Тобою ранен я насквозь,
Ты сто веков меня любила...
И потому — земная ось
Одним ударом нас пробила.

Перед ним Москва огнём горела,
На Арбате шёл б... парад.
И вдали до самого предела
Простирался современный ад.

2

Ангел вспомнил: вечером остылым
Он спустился с облачных небес...
Это где-то над Полтавой было,
Мимо мчался торопливый бес.

Всё как будто рядом, близ Диканьки,
Но среди разmolотой земли
Пахло чёрным порохом и танки
По дорогам Украины шли.

И не пел Боян, а пуля пела,
Разрывался гробовой снаряд.
Ангел посмотрел оторопело
На убитых хлопцев, лёгших в ряд.

Он увидел мир несовершенный,
Понял: что-то на земле не так...
Закричал, как будто оглашенный,
И пошёл с гранатой на танк...

...Он очнулся в тёмных катакомбах,
Его били много дней подряд.
Ангел жил, но превратился в зомби,
Его крылья оторвал снаряд.

А когда во тьме его подняли,
Он бескровен был и очень плох.
На «укропа» ночью обменяли
У ручья, который пересох.

...Покрывалось время чёрной пылью,
Мир тяжёлой злобой истекал.
Видал я: меж небылью и быльё
Ангел крылья белые искал.

ОН СТОЯЛ, СУРОВЫЙ,
КАК РАСПЯТЫЕ
(Цикл стихов о Лермонтове)

1. *Над Машуком*

Кто чашу горя накренил
Над Машуком
 тем смертным летом?
Кто дождь тяжёлый обронил
Над умирающим поэтом?

А ветер бился и кричал,
И тело травами окутал,
Чинары древние качал
И гибель с колыбелью путал.

О, этот гром над головой!
О, сердце, принявшее выстрел!
Гремит Кавказ, а под Москвой
С деревьев — раненые листья.

Сплетались волосы с травой,
Со смертью жизнь переплеталась.
Природа смыть позор людской
Грозой полночною пыталась.

Но ей убийства не избыть,
Как не избыть молвы в народе,
Что кровь Мартынову не смыть
И супостату Нессельроде.

Их тени бродят у черты,
Где навзничь тело распростёрто,
Где чёрный демон высоты
Сам на убийцу накликал чёрта.

2. Поручик Лермонтов

Который век
 поручик Лермонтов
грызёт черешни
и стреляет вверх.
Который век
 спешит Мартынов
к чёрному барьеру
и стреляет
Лермонтову в сердце.
Который год
 не спит гора Машук:
на неё падает и падает
убитый Лермонтов.

3. В кругу поэтов

Мне пишется — и слава Богу!
Мне любитя — и в добрый час!
Стучится в гости Такубоку,
И входит Пушкин, не стучась.

Всегда с цыганами, с друзьями,
С бутылкой крепкого вина,
В нём игры тигра с обезьяной
И слава доброго агуна.

За-
 ка-
 ты-
 ва-
 ет-
 ся

Под кровать.

4. Кремнистый путь

В стихах он был и вправду — равен Богу,
Он не творил — он с Богом говорил.
И, приближаясь к смертному порогу,
В бессмертие тропу свою торил...

Мертвел Мартынов, леденел от света
Его стихов и жажды — мир любить.
Он не затмил великого поэта,
И превосходства не сумел добыть

В стихах,
 в остротах непомерно шалых,
И на балах — среди друзей-кутил —
Казался тем
 начищенным шандалом,
Который не горел и не светил.

Он, мстительный, напыщенный,
 в черкеске,
Стелил поэту смертную постель...

Под Машуком
в ближайшем перелеске
Уж скоро грянет чёрная дуэль.

Нам не успеть к поэту на подмогу...
Он упадёт в ночную тьму лицом.
Кремнистый путь дотянется до Бога,
Гора Машук подёрнется свинцом.

И будет сниться каждому отрогу,
Как дождь идёт,
как Лермонтов молчит...
И «Выхожу один я на дорогу»,
Как Божий гром,
над Машуком звучит.

5. *Одиночество*

Ночь тиха.
Пустыня внемлет Богу...
М. Ю. Лермонтов

«Выхожу один я на дорогу...» —
Он сказал, наполнив чуткий слог
Безысходной болью и тревогой,
На земле и вправду — одинок.

Одинок всей сущностью поэта,
Острой, как скрещённые мечи...
Вновь о нём на подступах рассвета
Запевают Ангелы в ночи

Или демон, неподвластный Богу,
Что летит над бездной бытия...
...«Выхожу один я на дорогу...» —
Опало русские края.

Время — жизни яркие гасило,
Зло — свой новый затевало бег.
А его над Терекком носило
И манил закатами Казбек.

Снилась Бэла

в подвенечном платье

И Тамань, туманная, как сад,
Он стоял, суровый, как распятие,
И себя отбрасывал назад

От тоски, от будущей дуэли,
От бесовских женщин и красот,
Суть свою, постылую доселе,
Свергнув с демонических высот.

По пустыне направлялся к Богу,
По Христовым тропам и камням...
«Выхожу один я на дорогу...» —
Он сказал и тишину обнял.

6. Сквозь дым столетий

Расступится, как разорвётся, небо,
И мне блеснёт остаток вешних дней.
Остынет жизнь, но за краюхой хлеба
Приду в деревню и останусь в ней.

Мне слепота души
уже сподручней будет,
Душа сквозь дым столетий побредёт,
Найдёт костыль, свою печаль остудит
И никого для дружбы не найдёт.

Завязнет ворон в сукровице неба,
Протрёт ромашка белые глаза,
И мне мигнёт моя краюха хлеба,
Но из души не выпадет слеза.

Вдруг кто-то звёздный — душу пожалеет,
Пинком мою калитку распахнёт...
И, желчным взглядом хохоча, наглея,
Поручик Лермонтов
в печаль мою войдёт.

Я попрошу его навек остаться,
Забуть Кавказ и горцев, и дворян.
Мы выпьем Терек,
выпьем ключ Кастальский,
Бахчисарайской памяти фонтан.

Гора Машук воскликнет: — Эй, поручик!
Нас ждёт дуэль.

Не подведи, поэт.
Молва веков скользнёт змейй из тучи
И бросит с неба — чёрный пистолет.

7. Пуля

Чу — дальний выстрел! прожужжала
Шальная пуля... славный звук...

М. Ю. Лермонтов

Он музыку певучей пули
Ловил в ущельях и в степи.
Свинцовых пуль летучий улей
Звенел: «Судьбу не торопи!»

Он видел: вихрем стали кони
И расступались ковыли,
Когда за горцами в погоне
Летели пули вдоль земли.

Казáки смерть в бою ласкали,
Стремясь кинжалы побороть.
Чеченцам — скалы потакали,
А русским — потакал Господь.

Ходили звёзды на ходулях,
Раздвинув космоса края...
И пролетали мимо пули,
Как пчёлы, из небытия.

И каждая — его любила...
«Шальная пуля... славный звук...»
Но та, которая убила
Его, появится не вдруг...

Она к Мартынову слетела,
Как вихорь чёрный на земле.
И в день дуэли леденела
В смертельно-мертвенном стволе.

А он играл цветком июля,
Черешни в небо запуская,
Его нашла немая пуля,
А он в ней музыку искал.

1969–2014 гг.

«В НЁМ ВОССИЯЛА
ИСТОРИЯ ВЕКА...»
(Цикл стихов)

1. Песнослов

Клюев из Нового вышел Завета.
Клюев над бездной вздымает крыла.
В нём воссияла История века,
В нём расточилась российская мгла.

Клюев — эпический, страждущий, вечный.
Клюев — святитель и воин в седле.
Это и путь устоявшийся Млечный,
Это и путник на грешной земле.

В русской деревне родился, крестился.
Бог наделил его даром Певца.
Сыном Есенин ему приходился
И оставался родным до конца.

«Плач по Есенину» в небе витает
И ниспадает на лето и луг.
Истовым чибисом Клюев рыдает:
«Сын ты мой верный, последний мой друг!»

«Дай мне твою почерневшую руку!
Кудри вы, кудри, в чаду золотом!»
...Лезвие, вены вскрывавшее другу,
Пулей для Клюева станет потом.

1993 г.

2. *Разговор с Пушкиным*

Александр Сергеевич, добрый Вам день!
Как вам нынешний воздух московский?
Рядом с Вами, я вижу, является тень —
Это глыба-поэт Маяковский!

Он беседовал с Вами полвека назад
Уважительно, самозабвенно.
Его мощного голоса львиный раскат
Удивил Вас тогда несомненно.

А Есенина помните? Ваш разговор,
Где он с трепетом к Вам обратился?
Но убили его. С этих горестных пор
Свет поэзии в ночь закатился.

Незабвенный Есенин дорогу торил,
Свой могучий талант попрекая.
«Как у Пушкина мне бы судьбу!» — говорил,
А она ведь и вправду такая.

Вы Ахматову помните наверняка,
Её женского сердца свечение
И «О Пушкине слово», где — то ли строка,
То ли речи живое течение.

К Вам стремились поэты во все времена
Для судьбы, для полночной беседы.
Темноликим кентавром спешил Пастернак,
И отравы, и славы отведав.

Верный Клюев, как древо, тянулся до Вас —
Песнослов и отчаянный витязь.
Но себя и Россию от смерти не спас,
Умирая, Вам крикнул: «Спаситесь!»

Как Цветаева плакала пагубным «П»:
«Пушш и полночь»! «Психея и Пушкин»!
А потом пропадала на поздней тропе,
Знать, готовила сердце в кукушки.

Владислав Ходасевич Вас нежно любил
И за далью, в тоске ежечасной,
Ваши страстные строки навзрыд пригубил,
Как порезался бритвой опасной.

Проплывал Гумилёв, словно пьяный корабль,
Но ни славой своею, ни лестью
Не обидел он Вас, только в звёздных мирах
Прозвенел офицерскою честью.

Невзначай появлялся простуженный Блок,
Во Вселенной узревший поломку.
Он дознаться до истины так и не смог
И читал Вам свою «Незнакомку».

Вы стояли над вспышками сонной Москвы,
Два столпа, два святых Александра,
Две курчавых главы, вдалеке от молвы,
Наклонив из небесного сада.

Александр Сергеевич, мир — это зал,
Тот, какой золотили Вы словом.
Ну а я так негромко, так мало сказал,
То к зерну прислоняюсь, то к полавам.

Вам о предках славян декламировал Блок,
Жизнь свою разбросавший по рифам.
Он в поэме своей, отчеканивши слог,
Поклонился стремительным скифам.

1999 г.

3. Олонецкий богатырь

«Грядёт богатырь Олонецкого корня!» —
В миру начертала поэзии длань...
Ты — корень Руси, потому непокорен.
Тебе твоя рифма звенела: — Восстань!

И ты восходил среди мрака и хлама
Светилом поэзии, сочен и груб.
Тебе, как медведю, готовилась яма, —
Но ты в ней закладывал солнечный сруб!

Катилась Москва фавориткою красной,
Грозила железом и стынью свинца.
Болезнь революции стала заразной
И вбила в Россию начало конца.

Ты был предводителем
русских поэтов,

И золотом слов — пересиливал тлен.
Где Бедный Демьян богател от куплетов,
Ты властью жидовскою был убиен.

...Один за другим уходили в бессмертье:
Приблудный, Клычков и Есенин Сергей,
Орешин и Ганин — несчастные дети
Великой России, не спасшей детей.

2007 г.

4. Последние дни Николая Клюева в Томске

Я сторел на своей Погорельщине,
как некогда сторел мой прадед протопоп
Аввакум на костре пустозёрском.

*Николай Клюев
(Из письма С. Клычкову
от 12 июня 1934 года)*

В окна била метель и, стеноя, носилась над Томском,
Отпевала поэта и грызла каменья тюрьмы.
Донесла ли метель — позабывшим поэта потомкам —
Весть о гибели Клюева в хладном преддверье зимы?

Леденела душа величайшего в мире Поэта,
Где, как нищий, провёл он остатние, горькие дни,
Где он пулю нашёл вместо белого ясного света,
Где о друге рыдал, а гробы проплывали над ним.

Он уже изнемог, он на нарах лежал, как в мертвецкой.
Рядом Томск деревянный мерцал, как родная изба,
Но спасти не сумел Гамаюна земли Олонецкой,
Аввакумова отпрыска, чья догорала судьба.

Он не ведал уже, где его упокоятся кости,
Сквозь житейские вёрсты себя по-бурлацки влачил.
Умирал, как зола, о малиновом думал погосте,
Но в кромешной тоске и во мгле бессердечной почил.

Пуля смерчем вошла в его брненное, жгучее тело:
Запылаа небосвод,
и земная обуглилась твердь...
В нём взалкал Аввакум! И он пал, не почувяв предела
Своей жизни, любви, не почувствовал жадную смерть.

С ним простился Христос и поднялся на вечное небо.
Был ли Клюев небесный? Железный? Он есть!
Принимавший в объятия – Плутарха, Гомера и Феба
И оставивший миру – поэзии Совесть и Честь!

2014 г.

5. Сергею Куняеву, автору книги «Николай Клюев»

Не в смерть, а в жизнь введи меня...

Николай Клюев

С дождём или снегом,
с громовым раскатом
Ты в клюевский мир опускался,
как в шторм.
Сегодня был Клюев тобою разгадан,
Раздёрнута тайна загадочных шторм,

Февраль

Завыла февралём космическая глотка,
Холодные ветра нагнала из-за гор,
Затмила полземли, забила снегом плотно —
Простуженно хрипит небесный коридор.

Насыпался, налип, свалился снег бетонный
В углах моей души, на скатах тёмных крыш.
Скулит безродный пёс или февраль бездомный
В обрывках тишины, плакатов и афиш.

В окошке стынет ночь, колеблемая светом
Угрюмого, как волк, ночного фонаря.
Качаются в окне, разорванные ветром,
И жалуются мне лохмотья февраля.

А я и сам — февраль. Я тоже этой ночью,
Наверно, сам собой на части разделён,
Выплакиваю жизнь собачью или волчью,
Простуженно хриплю разъятым февралём.

На свете — ни души, ни окрика, ни вздоха,
Лишь шорохи афиш и шаткий шум ветвей.
И колющая глаз, колючая эпоха
Снежинками свистит и целит меж бровей.

Март

Задвигались ручьи под ослеплённым снегом,
Рассыпались лучи и пёрышки зари.
На лежбищах зимы под переспелым небом
В капли тонет март, пуская пузыри.

Просторные поля корёжит бездорожье,
Кошёвка не летит по талой колее,
И крошки-семена берёзовых серёжек
Нашли водоворот в проснувшемся ручье.

Деревня голосит и вспархивает птицей,
Духмяное сенцо, солому ворошит.
Нагрязнула весна и поселилась в лицах,
Ликует в людях март, смеётся и грешит.

За хомутаркой лёд позванивает тонко,
На небе солнца сноп оранжевый висит.
В конюшне целый день танцует лошадёнка,
А конюх-старичок ей плёткою грозит.

В вечерней полутьме затихнет ездвая...
Я гляну в небеса с высокого крыльца:
Колышется звезда, как свечка восковая,
В покоех золотых Небесного Творца.

Апрель

Весна перетрясла пуховые постели,
В жаровнях вечеров расплавилa снега.
Под окна принесла стозвонный шум апреля
Ревущая, как лось, ледовая шуга.

Всё ходит ходуном на старой переправе,
Взобрался на скалу испуганный малец.
За пасекой пустой, в заброшенной канаве,
Последний снежный пласт горит, как леденец.

Деревня к небесам скворешни прибывает,
Коровушке даёт последнего сенца,
И сказку, и любовь из сердца добывает
И вяжет жизни нить под крылышком скворца.

В промокнушем тальнике сияет медуница...
Российская земля, ты помнишь о святом?
Сегодня на погост приходит Радуница
И поминальный день восходит над крестом.

Исчез ледовый гнёт, одыбывает роща
От яростных когтей отшельницы-зимы.
Святители земли, святятся ваши мощи!
К ним губы и сердца прикладываем мы.

Май

Багульник раскидал малиновое пламя
Среди трухлявых пней и травяных рогож.
Пчелою кружит май над пёстрыми полями,
Из пригоршни небес струится первый дождь.

Черёмухи кусты, как с белой пеной чаши,
Подъяты в небеса, а в дальнем далеке,
Где зеленеет луг и где чернеют пашни,
Стремительный восторг летит на мотыльке.

Ах, благодатный май! Для будущего хлеба
Горячего тепла и неги не жалеи!
Колышется земля, и в обмороке небо
Косынкою висит над бархатом полей.

В вечернее село вернулось стадо поздно,
Знать, первая трава сладка, как пастила.
Свободная, как дым, лошадка грациозно
Скакнула в небеса и крылья обрела.

Забытая моя деревня дорогая,
И музу и меня с Пегасом принимай.
Как хочется парить, воскрыльями сверкая,
И сеять зёрна слов в родную почву, май!

Июнь

Жарком взошёл июнь.

Земля насквозь прогрета,
Чтоб семя проросло, был урожай толков.
Вновь, как аэродром, гудит шмелями лето,
Спускается заря на стропах облаков.

Прошёл алмазный дождь, полил живые грядки,
За всходами следить желанно, сладко мне.
На даче у меня сегодня всё в порядке,
Вот только нет его в запущенной стране.

Ах, если бы вернуть утраченные годы,
Потерянных людей, их неподдельный жар
И оживить любви растоптанные всходы,
Порядок возродить и потушить ПОЖАР.

Ах, если бы...

Но зло случается нередко
В простреленной моей, прославленной стране...
По шпалам вдаль иду. За мною скачут детки.
Мне с ними так легко и так покойно мне.

Я радую своих детишек бледнолицых
Походом на Байкал к туннелям и мостам.
В панамках вырезных и в платишках из ситца
Бегут они за мной по дорогим местам.

Июль

Ударила гроза. Пришёл июль громовой.
Вон молния взошла, как молодой цветок,
И канула в Байкал, и возродилась снова,
До синевы сожгла пылающий восток.

Пошёл шипучий дождь — шампанское июля,
Бери любой бокал — гремучий водосток —
И пей его до дна среди домов и улиц
За жизнь и за любовь, за Ангары исток.

Но минула гроза, и мир, рождённый снова,
Как в Сотворенья миг, ожил и задышал.
Так, жабрами горя, живых существ основа
Цвела сетчаткой глаз, клинками острых жал.

И крылья, и цветы — всё билось, трепетало,
Тянулось в небеса, к Господнему крыльцу...
И не было ни пуль, ни злобы, ни металла,
И только был полёт к Алмазному венцу.

Тысячелетний зов возник, и кроме зова
Не мнилось ничего... Исчез страданий груз.
И Библия взошла, и первым было Слово:
На радуге цветной светилось — ИИСУС.

Август

Вновь август обагрил валежники брусникой,
Вознёсся над травой грибом боровиком.
Не жадничай, тайга, в моё ведро плесни-ка
Рассыпчатым, живым брусничным молоком!

В распадках иван-чай мне ноги заплетает,
Малиновым платком накрыто полтайги.
Пречистая, как свет, моя тайга святая,
Отечеству спастись и выжить помоги!

Как остро, как свежо в ночи твоё дыханье!
Мы — ягодники — ночь проводим в шалаше...
Но вот уже рассвет заговорил стихами,
И счастье, как цветок, взошло в моей душе.

По океану трав плывём легко и бодро,
Как тысячи зеркал колеблется роса.
И отраженьем в них — рубиновые вёдра,
И вот уже вдали — Байкала полоса

Трепещет и зовёт, волной высокой дразнит.
Висит смолёвый зной, в лазури — небеса.
На катере летим, а в памяти не гаснет
Таёжной глубины зеркальная роса.

Сентябрь

Запольшал сентябрь, твердеющий и древний,
В себя вобрал весь мир с лукавством янтаря:
Там светят мотыльки, лазоревки, деревья
В янтарной глубине живого сентября.

Там кубком золотым возносится берёза,
Янтарных облаков касается едва,
На охристой траве последнего покоса
Опалами горит опалая листва.

Лечу по сентябрю, по ягодникам, кручам,
То плачу, то молчу на солнечной горе.
Я запечён в янтарь — комариком летучим,
Навеки сохранён в прозрачном янтаре.

Янтарный Божий день. Деревня оживает,
К ней Ангелы летят на крыльях сентября.
Стоит янтарный зной. Не спит сторожевая
И, как из глубины, рычит из янтаря.

Янтарный русский день да будет жив плодами!
Деревня жнёт хлеба, молитву сотворя.
Успеть бы до дождей.

Пшеница молодая
Засветит в закромах, как горы янтаря.

Октябрь

Приметы октября – небесная прореха,
Закрытая с утра белесой пеленой...
Наш сладкий поцелуй, как ядрышко ореха,
Пропахшее смолой и хвойной тишиной.

Начало октября отмечено заботой
Гогочущих во тьме гусиных вожakov
Над спящею рекой и первою охотой
Ликующих в тайге сибирских мужиков.

Последняя листва истлела бабьим летом,
Сгорела от тоски, сжигающей дотла.
Приметы октября...
Но ты не верь приметам,
А к памяти прильни – печаль твоя светла.

Из дальнего угла прикатится колечко
Зажжённой от зари кручёной бересты:
Стреляют в «Белый дом»,
и вздрагивает свечка,
И ходят мимо сна тяжёлые кресты.

В мерцающих ночах не отступлю от лиры,
Для сердца песнь её была поводомьрём.
Царапается лист в окно моей квартиры,
Простреленный насквозь
тем «Чёрным октябрём».

Ноябрь

В ворота ноября влетающий с разбега,
Я замираю вдруг в знобящей тишине.
Здесь тьма и пустота, и ожиданье снега,
А лёгкость прошлых дней
уж недоступна мне.

Под сводом ноября в томленьи спит округа.
Вот-вот уже крупной поля запорошит.
И заперта душа, как плотная фрамуга,
И льдинкою тоска внутри меня дрожит.

Гуляет ветер слепой по вымершим долинам,
И в мире нет людей, лишь встали на дыбы
За далью ледяной над Родиной пустынной
Отпевшие её ходячие столбы.

Ах, Родина моя, скреплённая любовью,
И болью, и виной, не спи последним сном!
Рябиновая гроздь запёкшеюся кровью
Пылает за окном и гаснет за окном.

Но вот и первый снег обрушился на поле,
Как выжатая из тысячелетий соль,
А может быть, среди тысячелетней боли —
Грядущая пришла и затвердела боль.

Декабрь

И вот замкнулся круг на белом декабре.
Горошиной луны распадок подавился...
С хлыстом колючих вьюг
на царственном дворе,
Как белый офицер, аскет-декабрь явился.

Ну что, мой друг декабрь, отыдем от невзгод!
Поднять бокал вина Постумия велела.
Неужто миновал непроходимый год...
А может, сто веков над миром пролетело?

К двадцатому числу сподобился мороз,
Покрылось звонким льдом речное коромысло.
Из тучи снеговой — летучий снег пророс,
И небо до земли брюшиною провисло.

Ну что, мой друг декабрь,
давай под Новый год
Закатим русский пир по русскому наитью
За белопенный снег, за годовой приплод
И за родной простор,
что назван русской вытью.

Поднимем до краёв наполненный бокал
За воина Руси, за деву молодую
И выпьем за Москву, за Волгу и Байкал,
За горлицу мою — за Родину святую!

**ОТЗЫВЫ НА ПУБЛИКАЦИЮ
ПОЭМЫ «МЕСЯЦЕСЛОВ»
НА САЙТЕ «РОССИЙСКОГО ПИСАТЕЛЯ»**

С удовольствием подниму сейчас «до краёв наполненный бокал» за ТАКИЕ «Времена года» от Владимира Скифа. Подниму потому, что эти времена наполнены ГЛАВНЫМ, что «в памяти не гаснет».

*Спасибо, Владимир.
ПРЕКРАСНО.*

Григорий Блехман
18.08.15, 21:49

* * *

Володя, поздравляю! Замечательная поэма! Всяческих тебе благ: творческих и прочих!

Александр Кердан
19.08.15, 07:15

* * *

*«...Ах, Родина моя, скреплённая любовью,
И болью, и виной, не спи последним сном!..»*

Владимир, спасибо за бальзам, который получила только что, читая твою поэму! Это поистине царский подарок нам всем! Пусть твои строфы, «скреплённые любовью», не засыпают, а радуют, радуют, радуют...

С теплом, Валентина.
Валентина Ерофеева-Тверская
19.08.15, 11:39

* * *

*Знакома с Вашей поэзией по «Вратам Сибири».
Вас там издавна печатают и любят.
А эта поэма просто завораживает!
В каждой строчке живая Сибирь, суровая и прекрасная.
А «февраль» с его волком-фонарём просто заучу.
Спасибо Вам, Владимир.*

Екатерина Пионт

19.08.15, 16:16

* * *

*Какие прекрасные стихи. И так красиво воспета Сибирь,
страна наша многострадальная, но следуешь за надеждой
автора: не всё кончено, вечно быть Родине Святой! Спасибо,
Владимир, от всей души.*

Николай

19.08.15, 17:46

* * *

*Есть у меня одна причуда: по стихам представлять не
только внешний облик автора, но и его характер. Крепкий Вы,
дорогой Скиф, крутой товарищ. Ну а сердце у поэта не может
быть суровым. Я не права?*

*Такие люди отстаивали и отстаивают Родину нашу, ко-
торая любима. Успеха Вам.*

Тамара

20.08.15, 09:34

* * *

Как-то я играл с кавказцами в футбол, и каждый гол или красивый удар футболистов они сопровождали выкриками: «КРАСАВЧИК!»

Володя, ты тоже КРАСАВЧИК, «Месяцесловом» забивший гол в ворота русской поэзии! Обнимаю,

Игорь Тюленев

20.08.15, 13:21

* * *

Дорогой Володя, низко кланяюсь тебе за прекрасные стихи, за Сибирь! Ю. П.

Юрий Перминов

21.08.15, 13:04

* * *

Яркость поэтического слова в поэме Владимира Скифа сродни чистым акварельным краскам на полотне художника. Яркость и ясность.

А ещё — чувства, порой и очень тяжёлые:

«...Стреляют в «Белый дом», и вздрагивают свечи.

И ходят мимо сна тяжёлые кресты...»

И образ России, золотистый лом её осени, синее эхо мерцающих небес, лиловый звон первого морозца, великий простор и пламенная бесконечная его тишина, зима в звёздных ливнях пылающих снегов, в голубино-голубого цвета позёмке. Март, теснящий зиму и разящий её, колокола цветных весенних ветров, ветров, ликующе впадающих в океан летнего гула и пронзительной небесной синевы. И лето, полное оранжевых высверков зноя, запахов медового сена и лунного света августа с его летящими

*на благословенную землю русских равнин звёздами, пахучими,
как мятный снег.*

*Немеркнувший образ России в «Месяцеслове» Владимира
Скифа.*

*Бесконечных часов высокого и яркого творчества Вам,
Владимир!*

Юрий Брыжашов

21.08.15, 16:15

* * *

Сила, свет и красота.

Моё искреннее восхищение и благодарность.

Светлана Курач

21.08.15, 16:30

* * *

*Дорогой Владимир Петрович! Кому, как не Вам, удаются
широкие многоцветные полотна?! Каскад ярких красок, спектр
чувств и эмоций сливаются в один неукротимый поток — поток
полноты и радости жизни. Скиф снова заморозил нас. Поздрав-
ляю с большой творческой удачей!*

Светлана Сырнева

22.08.15, 05:45

* * *

Поздравляю с замечательной поэмой!

Татьяна Грибанова

22.08.15, 12:04

* * *

Дорогой Володя, поздравляю! Вспомнились стихи знакомого поэта:

*Прочёл стихи товарища в журнале.
И зависть шевельнулась в сердце.
Пошёл, отбил на почте: Поздравляю!
И долго, долго было хорошо...*

Сергей Донбай
22.08.15, 12:13

* * *

*«Но вот уже рассвет заговорил стихами,
И счастье, как цветок, взошло в моей душе».*

Какое точное и близкое для меня состояние! И так можно цитировать многие строки, отозвавшиеся в душе... Спасибо за живительную поэму, мне очень понравилась.

Эмма Меньшикова
2.08.15, 13:43

* * *

Месяцеслов — православный календарь Владимира Скифа — берёт своё начало в русской и современной классике. В нём и оцепенение мира, и пробуждающий колокол. Навсегда останется в поэзии его фонарь, «угрюмый, как волк»... И многое другое. Но главным стержнем, держателем православия, его поэтического воззрения на природу, остаётся деревня. Как град Китеж, является она в календаре России В. Скифа в блистательных образах живописного слова. Деревня открывает всё — и душу, и сердце, и святость. Возникают вопросы и обращения необоримой веры: «Ты помнишь о святом?.. Святители земли, святыя ваши мощи!» Вместе с автором веришь, деревня оживает, тайга святая поможет Отечество спасти: «Деревня жнёт хлеба, молитву

сотворя». Это так близко мне, так дорого. Но царапает сердце «чёрный» октябрь, есть что-то кузнецовское в нём — мимо сна... «льдина тоски» — как это символично! Кузнецов ушёл в ноябре, во сне, тяжело и невосполнимо легла эта весть. И понятен призыв Скифа: «Не спи последним сном!» А есенинская рябина горит и гаснет, гаснет и горит над чёрной вытью, которую нельзя не любить. Снег — соль... И тысячелетняя боль... Сила и красота поэзии Скифа, как ранняя заря, обещает иные времена, иную крепь. Поэт, я поднимаю торжеством сияющий бокал «за горлицу мою, за Родину святую».

Екатерина Козырева
23.08.15, 06:43

* * *

Дорогой Поэт, пронзительные, яркие строки ты сотворил! Русью пахнет. Нашей родной Сибирью — особенно. Спасибо, Володя, за волнение, за радость общения с настоящим!

Николай Денисов
23.08.15, 07:05

* * *

*«Последняя листва истлела бабьим летом,
Сгорела от тоски, сжигающей дотла.
Приметы октября...*

*Но ты не верь приметам,
А к памяти прильни — печаль твоя светла.»*

Какие чистые строки! Как от них светлеет на душе! Светлая печаль памяти — что может быть трепетнее? Спасибо, дорогой Владимир Петрович, за это удивительное умение заставлять беспричинно вздрогнуть...

Анатолий Аврутин
23.08.15, 18:12

* * *

Я только что приехал из Присяянья, из самых окраинных деревень Восточной Сибири, как, например, Хор-Тагна, где живут в основном охотники и рыболовы. Поэтому многие комментарии прочёл только сегодня. Мои дорогие соотечественники! Русские поэты: Анатолий Аврутин, Светлана Сырнева, Юра Перминов, Игорь Тюленев, Коля Денисов, Серёжа Донбай, Саша Кердан, Григорий Блехман, Валентина Ерофеева-Тверская, Екатерина Козырева, Эмма Меньшикова, Юрий Брыжаилов, Екатерина Пионт, Светлана Курач, Татьяна Грибанова — все-все, с кем знаком лично или заочно, я всех вас благодарю за наше общение, за счастье говорить и читать друг друга, за счастье вам внимать и радоваться каждому слову, каждому отклику.

Низкий вам поклон и моя ЛЮБОВЬ!!!

Владимир Скиф,
24.08.15, 04:15

* * *

Володь, так свежо и ярко! Присоединяюсь ко всем оценкам. Это какая-то особенная, сибирская, классика. Поздравляю и завидую: давно у меня не было такого яростно-восторженно-гневно-солнечного состояния. Поздравляю, дорогой! Бог в помощь!

Надежда Мирошниченко
25.08.15, 01:28

* * *

*«На свете — ни души, ни окрика, ни вздоха,
Лишь шорохи афиш и шаткий шум ветвей.
И колющая глаз, колючая эпоха
Снежинками свистит и целит меж бровей».*

Какие цепенящие своей непостижимо космической трагедийностью строчки. Какая филигранная точность отражённого в них времени, где чистейшая в своей святости снежинка ляжет чёрной зияющей дырой человеческого разума, так и не сумевшего отдать должное Высшему замыслу своей сущности...

Валентина Беляева

25.08.15, 13:12

СОДЕРЖАНИЕ

«ГДЕ ТЫ, РОДИНА ПОЗАБЫТАЯ?»	5
«ПОД СЫРОЙ ОСЕННЕЙ ПОЗОЛОТОЙ...»	14
«ВСЕ БОЛИ ВЕКА Я В СЕБЕ НОШУ»	19
ВЗГЛЯД ИЗ ВЕЧНОСТИ	21
ЗОЛОТАЯ ПОРА	26
ПРЕКРАСНЫЙ УДЕЛ ПОЭТА	29
САМОБЫТНОСТЬ ТАЛАНТА	34
«САМ СВОЮ Я ВЫБИРАЮ ДОЛЮ...»	35
УТИШИТЕЛЬ ЗЕМНЫХ ПЕЧАЛЕЙ	36
СКИФСКИЙ ОГОНЬ	40
«НАДО ТОЛЬКО ВЗГЛЯНУТЬ ШИРОКО В НЕБЕСА...»	47
ЛИРА, СОЗВУЧНАЯ РУССКОЙ ДУШЕ	51
В ЦЕНТРЕ РУССКОГО ПРОСТРАНСТВА	53
«Столбы гудят и мчатся вдаль...»	55
«Снегу в саду намело...»	56
«Ты прекрасна, ты просто роскошна...»	57
ВОЛК	58
ПАСХА	60
«Сбились в стаю мои перелётные птицы...»	61
КОСТЫЛИ	62
«Мир деревенский, многогранный...»	64
«Уж скоро холода повыглядят лощины...»	65
ВЕРБНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ	66
«Всё во мне, словно купол святой, золотится...»	68

«Утро косы небу заплетает...»	69
«Ты — моя госпожа, ну а я — твой невольник...»	70
ПУСТЫРИ	71
СОВА	72
ДНО	73
«Милая Русь, ты была оживлённой...»	74
«Вечность снижается...»	75
РУСЬ	76
СТАРОМУ РУССКОМУ ВОИНУ	77
«Айсберга острые грани...»	78
«Жизнь, как свет, в окошко брызнула...»	79
ЗАТМЕНЬЕ	80
ЧЁРНЫЕ ДЫРЫ	81
«Никнет дикая в поле трава...»	82
«Ты — серна, ты — летящая по скалам...»	83
ЖИВОЙ РУБЦОВ	84
СОН	86
«В осенней тишине закружится солома...»	87
ОСЕНЬ	88
«Ещё шиповника кусты...»	89
ХУДОЖНИК И САТАНА	90
МАЛАЯ РОДИНА	92
«Где былинки и корни...»	94
«Стихи в старинную тетрадь...»	96
«Лежит темнота на земле, на воде...»	97
НАШИ СВИДАНИЯ	98
«Вяжет баба у окна в вагоне...»	100

КАМЕНЬ	101
«Ах, какая досада!»	102
«Будто бы гром среди неба...»	103
БОЛОТО	104
«Неисправны века механизмы...»	105
ПОЛОТНО	106
ХРИПЛОЕ ДЕРЕВО	107
«Милая, как я беспечно...»	108
«Любовью, негой полон я...»	109
ДЕРЖАВЕ	110
ЗВЕРЬ	111
МОРСКАЯ ПЕНА	112
КОСТЬ	113
«Мир кривой, как будто в зазеркалье...»	114
СТЕНА	115
ЗМЕЯ	116
«Пасмурный вечер...»	117
МЕШОК	118
СУМРАК	119
«Моя любовь к России зла...»	120
КРИК	122
«Нет» и «Да»	123
«Над страную застыну во тьме...»	124
КАЛИНА	125
ДОРОГА К ХРАМУ	126
ПРИТЧА	127
ЛЕТНЯЯ КУХНЯ	128

СВАЛКА	131
«— Я не смогу тебя любить!»	133
ШТЫК	134
ДУДКА	135
«Отстегну, словно цепи, надежды...»	137
В ПЕТЕРБУРГЕ	138
«Пламенем белым метель полыхает...»	140
ВОРОБЬИ	141
«И я тебя в тот день простил...»	142
«Я сделал скол с грядущих лет...»	143
«Говорят, комета пролетала...»	144
«Смотрю — звезда шагает по воде...»	145
ИГЛА	146
«Белый Ангел пролетает...»	148
ТАНЦУЮЩИЕ ЗМЕИ	149
«Дева торкнулась в створ бытия...»	150
«Сказал он ей: «Меня не мучай!»»	151
КРАЙ СВЕТА	152
ГНЕЗДО	153
ИСТУКАН	154
ПУСТОМЕЛЯ	156
«Чем старше я, тем строже выбор...»	157
«Высохла травка солодка...»	158
ТЬМА	159
ВАРЬКА	160
СКАКУН	161
МАРТОВСКОЕ СОЛНЦЕ	162

В НИЗОВЬЯХ ЖИЗНИ	163
КУМАЧ	164
НЕБО	166
«Кто знает тайну бытия?..»	167
НЕОТБОЛЕВШЕЕ	168
«Под оловянную луной...»	169
«Чёрно-белое стадо вдоль неба бредёт...»	170
«Дремлю на сеновале. Пахнет сеном...»	171
ЛЕТУЧИЕ ВОЛКИ	172
«Звонит надо мною большое стеклянное небо...»	173
ТОСКА	174
«Как хорошо идти по свету...»	175
ПОЗЁМКА	176
«Какой мороз!..»	177
БОМЖАТНИК	178
«И будет спать во тьме вода...»	179
ГРЕЧИХА	180
ИДИОТ	181
«Неужто фортуна нам всем изменила...»	182
«У забора — стойкий чернобыль...»	183
РУССКИЙ ВОЛК	184
«Сегодня долгий, беспросветный день...»	185
КРЫМ	186
«Вспоминаю детство без усилья...»	188
ЗЕМЛЯ НИКОЛАЯ РУБЦОВА	189
СТАНИСЛАВУ КИТАЙСКОМУ	190
ПУСТЫРЬ	192

ЛИПОВАЯ АЛЛЕЯ	194
ПАМЯТИ В. Г. РАСПУТИНА	196
СРЕДИ ЛИП	199
«Скрипит вселенская рессора...»	201
БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК	202
«Полей осенних стылое пространство...»	203
С ЧЕХОВЫМ	204
«Мне жить в самом себе не просто...»	206
«Никак не обойти всего, что расслоилось...»	207
В БОЮ	208
СНЕГОПАД	210
«Я себя совершенно не знаю...»	211
ВОСЬМИТОМНИК БЛОКА	212
«Я город оставил железный...»	213
«Не упасть бы, не разбиться...»	214
«Я – русского мира поборник...»	215
ТАТЬЯНА ПЕТРОВА	216
«Общаюсь с личностями странными...»	217
«Обласкан женщинами, славой...»	218
САПФО	219
«Метёт метель, и птица-тройка...»	220
ИМПРОВИЗАЦИЯ	222
ПОДРАНОК	223
ПРИНЦИП СЛУЧАЙНОСТИ	224
ПРИНЦИП СОУЧАСТИЯ	225
МАНОК ЛЮБВИ	226
ЯСТРЕБ	227

РЖАВЧИНА	228
«Как шатки мостки, как лесные поляны...»	229
«Катится жизнь моя по переулкам...»	230
ВДОХНОВЕНЬЕ	231
МАСТЕР И МАРГАРИТА	232
«И снова галки и вороны...»	234
«Сыплет черёмуха палевым цветом...»	236
«Я жил невозмутимо, безмятежно...»	237
БЕЛАЯ ВОРОНА	238
«Ах, Боже мой! Исчезло лето...»	240
«Позёмка белая метёт...»	241
«Красивая и яркая, как звёзды...»	242
«Журавли попали в просины...»	243
БЕЛЫЙ ГРИБ	244
ОСИНА	245
ОСЕНЬ-ЛЮБОВЬ	246
ДОСТОЕВСКИЙ НА КАТОРГЕ	248
ВИКТОР АСТАФЬЕВ	250
АЛЕКСАНДР ВАМПИЛОВ	252
ПАРАД ПЛАНЕТ	253
БОЛЬ	254
«Ты мне нужней день ото дня...»	255
БЕСКРЫЛЫЙ АНГЕЛ	256
ОН СТОЯЛ, СУРОВЫЙ, КАК РАСПЯТЫЕ	259
«В НЁМ ВОССИЯЛА ИСТОРИЯ ВЕКА...»	268
МЕСЯЦЕСЛОВ	276
Отзывы на публикацию поэмы «Месяцеслов» на сайте «Российского писателя»	288

Серия «Библиотека Российской поэзии»

Издано:

Валентина Телегина. Богородская трава. 2005

Владимир Радкевич. Вечность нас пригласила в гости. 2007

Александр Кердан. Избранное. 2008

Николай Година. Избранное. 2008

Анатолий Гребнев. Берег родины. 2008

Сергей Чепров. Когда болит... 2009

Наталья Поляченкова. Неоконченный портрет. 2009

Алексей Решетов. Избранное. 2009

Борис Бурмистров. Сквозь сумерки времён. 2011

Литературная студия «Тропа». Избранное. 2011

Елена Безрукова. Книга ветра. 2015

Валентина Сергеева. На вершине вулкана. 2016

*Подробная информация об изданиях и заказ книг на сайте
www.tamatov.ru*

Литературно-художественное издание

Владимир Скиф

ГДЕ РУССКИЕ СМЫСЛЫ СОШЛИСЬ

Оформление *Л. Пенягина*
Вёрстка *Л. Черных*
Корректор *И. Плотникова*

Скиф В. П.

С42 ГДЕ РУССКИЕ СМЫСЛЫ СОШЛИСЬ: избранное — СПб:
Издательство «Маматов», 2016. — 304 с.

УДК 882

ББК 884 (2Рос=Рус)6-5

Издательство «Маматов»
190068, г. Санкт-Петербург, Вознесенский пр., 55а,
www.mamatov.ru